

75
ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

ВОСПОМИНАНИЯ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

Письма и фото
из семейного архива,
комментарии родных

К.К. РОКОССОВСКИЙ

ПОЛНАЯ ХРОНИКА

75 лет Великой Победы

Константин Рокоссовский
Воспоминания без цензуры

«Издательство АСТ»

1968, 2019

УДК 94(47+57)"41/44"(470.23-25)
ББК 63.3(2)622

Рокоссовский К. К.

Воспоминания без цензуры / К. К. Рокоссовский —
«Издательство АСТ», 1968, 2019 — (75 лет Великой Победы)

ISBN 978-5-17-119477-2

Воспоминания К.К. Рокоссовского рассказывают нам об удивительной судьбе Маршала Советского Союза и Польши. В центре повествования – Великая Отечественная война. На страницах книги автор последовательно восстанавливает обстоятельства важнейших и кровопролитнейших сражений войны, рассказывает историю своей жизни, дав ей название «Солдатский долг». Воспоминания маршала К.К. Рокоссовского публикуются вместе с восстановленными купюрами из авторской рукописи, изъятыми советской цензурой, а также дополнены письмами и фотографиями из семейного архива и комментариями К.В. Рокоссовского, внука, и А.К. Рокоссовской, правнучки прославленного Маршала Победы.

УДК 94(47+57)"41/44"(470.23-25)

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-17-119477-2

© Рокоссовский К. К., 1968, 2019

© Издательство АСТ, 1968, 2019

Содержание

Предисловие Константина Рокоссовского, внука маршала К. К. Рокоссовского	6
Завтра – война	10
Восстановленные купюры из авторской рукописи [1]	14
Комментарий Ариадны Рокоссовской [2]	18
Бои начались	21
Восстановленные купюры из авторской рукописи	28
Комментарий Ариадны Рокоссовской	33
На Ярцевских высотах	34
Комментарий Ариадны Рокоссовской	49
Неожиданный приказ	50
Комментарий Ариадны Рокоссовской	56
Волоколамское направление	57
Комментарий Ариадны Рокоссовской	66
Отступать некуда	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

К. К. Рокоссовский

Воспоминания без цензуры

© Рокоссовский К.К., наследники, 2019

© Рокоссовский К.В., предисловие, 2019

© Рокоссовская А.К, комментарии, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие Константина Рокоссовского, внука маршала К. К. Рокоссовского

Известный западный исследователь Ричард Вофф в своей книге «Генералы Сталина», изданной в Нью-Йорке в 1993 г., пишет: «Один из лучших военачальников Красной армии времен войны, Рокоссовский сочетал в себе выдающиеся профессиональные способности, удивительную скромность и чувство почитания военных традиций. Во время войны, среди пагубного взаимного стремления грубой мести, Рокоссовский проявлял гуманность и сострадание к поверженному, когда-то мощному противнику и несчастному германскому населению».

Я бы мог долго рассказывать о деде, ведь рядом с ним были прожиты лучшие годы жизни, безоблачное детство и юность, и память хранит штрихи семейного быта, какие-то случаи, происходившие дома, на даче, на рыбалке. Но что могут добавить эти детские воспоминания к портрету военачальника, вклад которого в дело разгрома гитлеровских орд огромен и признан во всем мире.

Размышляя таким образом, я неожиданно для самого себя осознал, что мое восприятие деда сейчас, с высоты прожитых лет, сильно отличается от того, каким оно было тогда, когда я шестнадцатилетним парнем с замиранием сердца ждал у калитки дачи, когда же вернется из Москвы мама, поехавшая навещать деда в больницу. Дед умирал, я это знал и умом понимал, что так и будет, но я гнал от себя эти мысли и надеялся на чудо – а вдруг! Ведь бывает же, что люди выздоравливают после самых долгих тяжелых болезней.

Мама приезжала, молча выходила из машины и шла в дом. Глаза ее были заплаканы. Так продолжалось несколько недель. Но однажды она не приехала. Из подошедшей машины вышел мой дядя, взял меня под руку и повел по аллее. Я сразу понял – это всё...

Кем был для меня тогда мой дед, что знал я о нем?

Я знал, что люди его любили. Любили все – от членов Политбюро и маршалов до адъютантов, шоферов и егерей. На похоронах ко мне подошел А. Н. Косыгин, отвел в сторону и срывающимся голосом сказал: «Мы все его очень любили! Мужайся и будь достоин деда». Я помню, как плакал навзрыд Георгий Борисович Туманов, шофер, возивший деда в последние годы. Дед был, как потом, спустя годы, написал в своих воспоминаниях кто-то из маршалов, моему, И. Х. Баграмян, настоящим любимцем армии. Добавлю от себя – не только Советской армии, но и Войска Польского, как бы кому-то ни хотелось сегодня убедить всех, что это не так.

Для нашей семьи, для отца и его родни, для бабушкиных сестер и их родственников – он был всем. Вся жизнь семьи была связана с ним, его делами, его мыслями и чувствами. Я не знаю, как это было в семьях других военачальников, но в нашей это было именно так. Дед был центром, притягивавшим к себе и родственников, и друзей моих родителей – и даже мои друзья, по сути еще совсем дети, были втянуты в его орбиту.

Я не знал о нем ничего. Точнее говоря, знание мое было по-детски поверхностным и каким-то, я бы сказал, ситуативным. Я видел его на трибуне мавзолея во время парада, в парадной форме и при орденах, и моя душа наполнялась гордостью – это мой дед! Я знал, что он герой войны, один из лучших полководцев страны, Маршал Советского Союза, и я – его внук. Это благодаря ему я мог иногда прокатиться на дачу на «Чайке», и ребята в школе подходили и спрашивали с восхищением и завистью: «А правда, что у тебя дед – маршал?» Невероятное, ни с чем не сравнимое чувство гордости охватывало меня, второклассника, когда дед провожал меня в школу, которая располагалась по дороге на его работу, на улице Фрунзе. Он вел меня за руку, и я видел, как прохожие, узнавая его, улыбаясь, здороваются с ним, и он отвечает им тем же. Много лет спустя я узнал, общаясь с одним известным военным историком, что они, студенты истфака, зная, когда дед идет на работу, специально сбегали с занятий, чтобы повстре-

чать его и поздороваться. И их поражало то, что он, прославленный военачальник, отвечал им, безвестным студентам. Я гордился им, но это была гордость, основанная на внешнем блеске и славе, которая сопровождала его и отблески которой падали и на меня, внука, обыкновенного, в сущности, мальчугана.

Дома же он был для меня просто дедом, таким, какие были у большинства моих сверстников. Он гулял со мной на даче по аллеям, объяснял мне, где растет какое дерево, какие птицы живут в нашем лесу. Под «руководством» деда я получал первые уроки труда, помогая ему поливать огород, пересаживая вместе с ним деревья на участке и обрезая засохшие ветки малины в саду. Когда я стал постарше, мы играли с ним в войну, в разведчиков, и он легко побеждал меня и моих друзей, пользуясь умением маскироваться и применяя разные военные хитрости. Когда он болел, мы играли с ним в шахматы, и победить его было невероятно трудно, хотя я считался довольно сильным игроком. В общем, это был обычный дед, каких много было в стране.

Иногда, я думаю, мы досаждали ему. И действительно, кому понравится, когда тебе под ноги выкатывается из коридора клубок детских ног и рук, вооруженных клюшками и отчаянно борющихся за шайбу. На праздники к родителям приходили друзья, молодые тогда еще люди, начинался шум и гам, песни и танцы. Летом на дачу съезжались родственники бабушки и моего отца, с семьями и детьми, женщины спорили на кухне, по территории тут и там проносились велосипеды, периодически происходили битвы индейцев с ковбоями. А ему, старому и большому, так хотелось тишины. Но он не роптал, не сердился и не протестовал – он был терпелив, он понимал, что это жизнь, она идет и остановить ее невозможно. И именно это великое терпение помогало ему сохранять спокойствие духа и не терять головы в самые драматические моменты его жизни.

Иногда дед вносил дискомфорт в мою жизнь. Утром он, встав намного раньше меня, школьника, брался за гантели и проделывал с ними упражнения, а потом шел в ванную и обтирался холодной водой до пояса. Я просыпался и долго сидел у себя в комнате, чтобы не попасться ему на глаза – он ничего не говорил мне, но взгляд его был ироничен. Я знал, что мама опять будет пилить меня и заставлять вставать пораньше и делать зарядку, как дедушка. Они не понимали, какое это наслаждение – поспать лишние полчаса! «И на кой чёрт сдалась ему эта зарядка?» – думал я тогда. Теперь я понимаю, какая же нужна была сила воли, чтобы на склоне жизни, когда, казалось бы, можно уже и расслабиться, и поспать подольше, заставлять себя всегда, каждый день, зимой и летом, в будни и в праздники быть в форме, подтянутым и стройным. И я думаю, что именно эта сила воли, которую он воспитал в себе с ранней юности, помогла деду выжить на трех войнах, в тюрьме, да и в мирное, на первый взгляд спокойное, а на самом деле наполненное внутренним драматизмом время, в которое ему довелось жить.

Бывало, что дед меня удивлял. Обычно такой спокойный, рассудительный и серьезный, он мог вдруг, когда что-то не удавалось, когда какие-то обыденные, тысячу раз проделанные вещи не получались, повернувшись к тебе, сказать с какой-то детской, обескураживающе застенчивой улыбкой: «Ну вот, брат, видишь, обмишулился дед». Когда много лет спустя я смотрел кадры кинохроники, снятые во время битвы под Москвой, на которых он, сурово насупленный, на фоне грозных батальных декораций, рассказывает о могучем наступлении наших войск – и вдруг поднимает голову, и я вижу эту застенчивую улыбку: «Ну вот, мол, наговорил тут чёрт-те чего...» И сейчас я думаю – какой же надо было обладать тонкой душевной организацией, чтобы через долгую жизнь, казармы, войны пронести эту улыбку.

Несмотря на почести и славу, обрушившиеся на деда после Победы, он так и остался до самой смерти человеком застенчивым и скромным. Утром 7 ноября или 1 мая мы всей семьей усаживались у телевизора, чтобы смотреть парад, и на трибуне для военных, где-то на самом краю, а нередко и во втором ряду видели нашего дедушку. Будучи заместителем министра обороны, он всегда уступал свое место в первом ряду товарищам. «Я высокий, меня и так видно» –

отвечал он на недоуменные вопросы. Иногда я слышал, как он говорит бабушке, которая, по-видимому, просила его о чем-то: «Да, Люлю, конечно, но ведь это же неудобно...» И вполне возможно, что именно эта скромность и застенчивость сделала его всеобщим любимцем.

И вот наступил момент, когда где-то в середине 60-х в жизни нашей семьи, в нашем доме, многое изменилось. Дед всё больше времени проводил дома, в своем кабинете за большим письменным столом. Хоккей в коридоре был запрещен, ковбои с индейцами отправлены на соседние дачные участки. В ответ на недоуменные вопросы мама упорно молчала, но в конце концов сдалась. «Дедушка пишет мемуары», – коротко сказала она. Это был сюрприз, какого тогда я ожидать никак не мог.

Это теперь мы знаем, что в конце 50-х – начале 60-х годов, во время так называемой хрущевской оттепели, стало появляться много книг, посвященных истории прошедшей войны. Происходил расцвет мемуарной литературы. Маршалы и генералы, да и многие офицеры взялись за перо и начали описывать события, в которых им довелось участвовать. Выходили книги, многое в них было неправдой, многое переиначено и искажено. Людям свойственно видеть себя иногда в несколько лучшем свете, чем на самом деле. А дед ограничивался написанием дежурных парадных статей в газеты по праздникам. Он избегал полемики, считал, что история расставит всё по своим местам, а ему, замминистра обороны, негоже заниматься беллетристикой. Да и времени свободного было мало, служебная деятельность заставляла его постоянно быть в командировках, в войсках, на флотах. Когда же в 1963 г. он оставил свою должность в Главной инспекции МО и перешел на менее хлопотную работу, оставлявшую большой простор для личной жизни, появилось и время для написания мемуаров. Не знаю, решился ли бы он на это, если бы не многочисленные обращения его соратников, сослуживцев, да и просто ветеранов войны, с просьбами, а то и просто требованиями сказать, наконец, правду, описать, как на самом деле происходили те или иные события. Как дед не отнекивался, как не объяснял, что он не писатель, а военный, пришлось приступить к этой новой, неизведанной для него работе.

Как и всё, что делал дед в своей жизни, и этому делу он отдался целиком и полностью. Нечего даже и говорить, насколько трудно давалась ему эта работа. Описать 4 года неимоверно напряженной боевой работы командира соединений от корпуса до фронта, вспомнить какие-то характерные события, дать оценку решениям подчиненных и вышестоящих начальников, ему, привыкшему к сухим выражениям приказов и донесений, было очень трудно. Но раз взявшись за это дело, он должен был довести его до конца и сделать как можно лучше. И он делал.

Помогали ему его боевые соратники. Много лет спустя, разбирая архив деда, я обнаружил целую папку с корреспонденцией, посвященной его мемуарам. Черновик его письма генералу Плиеву с просьбой напомнить некоторые события времен битвы под Москвой и ответ Плиева с описанием имевших место событий. Несколько машинописных страниц, на которых генерал Панов подробно, буквально по минутам, описывал перипетии встречи его корпуса с канадской парашютной дивизией из армейской группы фельдмаршала Монтгомери в мае 1945 г. Десятки писем. Узнав от однополчан, свои воспоминания деду присылали и офицеры, и простые солдаты, воевавшие под его командованием. Всё это он перечитывал и включал в свои воспоминания в качестве иллюстраций боевых действий, которыми он руководил.

Писал сам. В основном карандашом, по старой фронтовой привычке. Писал, перечитывал и переписывал по несколько раз, стараясь изложить мысли наиболее понятным для читателя образом, вычеркивал то, что казалось ему лишним, добавлял что-то и опять, перечеркнув, переписывал заново. Черновики его воспоминаний хранятся в нашем домашнем архиве, блокноты, тетради, просто листы бумаги с вариантами той или иной главы. Внушительная стопка бумаги, она занимает целую полку в старом книжном шкафу.

Когда тот или иной отрывок мемуаров был готов, приезжал адъютант деда, подполковник Захацкий, и отвозил в машбюро, машинистка распечатывала 2 экземпляра, один из них

возвращался к деду для окончательной доводки. А второй забирали люди из Главпура. И у них кипела работа по приданию мемуарам деда политкорректного вида. Это слишком резко, это публиковать нельзя, вот это заденет уважаемого военачальника, а это спорная мысль, которая не совпадает с официальной точкой зрения. И в результате рождалась совсем другая версия воспоминаний, приглаженная и обезличенная.

Дед вел борьбу с этой цензурой, в чем-то уступал, с чем-то соглашался, где-то стоял на своем и не шел на компромисс. И кто знает, в каком виде мемуары увидели бы в конце концов свет, если бы не болезнь. Та самая, коварная и неумолимая, которая, подкравшись незамеченной, свела деда в могилу. И перед лицом неизбежного он принял решение, что пусть она выйдет хоть такой, какая есть. И подписал сигнальный экземпляр за несколько дней до смерти.

Работа над книгой была последней страницей в его насыщенной событиями, в чем-то счастливой, в чем-то трагической жизни. Это был последний подвиг солдата, привыкшего действовать оружием, разить врагов в бою, и в конце жизни взявшегося за перо. Это был его последний долг, долг памяти и уважения к своим соратникам, своим подчиненным, своим солдатам и людям, которые ему верили и шли на смерть по его приказу. Солдатский долг.

Спустя много лет, когда настали другие времена, мы с моим братом разобрали архив деда и восстановили, хотя бы частично, подлинный текст его мемуаров. Результат перед вами.

Долгие годы прошли с того августовского дня, когда дядя привез страшную весть, которую все мы уже ждали и которой так боялись. Дед ушел навсегда, давно нет уже нашей семьи, друзья разошлись кто куда. Но осталась память. И она хранит великое терпение деда, его волю, его твердость, скромность и справедливость. Те черты, которые, сплаваясь воедино, составляют образ Маршала Рокоссовского – военачальника, государственного деятеля, мужа, отца, просто человека. Моего деда.

Завтра – война

Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи. После этого был приглашен к Народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня.

Вспомнилось мне начало 30-х годов – 3-й кавалерийский корпус, которым тогда командовал С. К. Тимошенко и где я был командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавдивизии. Комкор у всех нас, конников, пользовался уважением. Больше того – любовью. И на высоком посту наркома он сохранил ту же простоту в обращении и товарищескую доступность.

Семен Константинович предложил мне снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом (в этой должности я служил еще в 1936–1937 годах). Корпус переводился на Украину, был еще в пути, и нарком пока направил меня в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. К. Жукова. Я должен был помочь в проверке войск, готовившихся к освободительному походу в Бессарабию. В моем присутствии нарком сообщил об этом по телефону командующему округом.

Я был включен в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы все время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом.

Опыт, приобретенный в дни освободительного похода, был очень полезен. Мы, командиры, старались опираться на него, организуя боевую подготовку войск.

Конец 40-го года ознаменовался для меня новым назначением. Я стал командиром 9-го механизированного корпуса, который еще предстояло сформировать. Это было полной неожиданностью. Ведь я провел в коннице двадцать семь лет. Начал службу в 5-м Каргопольском драгунском полку старой русской армии в августе 1914 года. Пробыл в кавалерии всю Первую мировую войну. После октября 1917 года – опять в коннице, в рядах Красной Армии.

Словом, я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошел хорошую школу – и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса. Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов.

Переход на службу в новый род войск, естественно, вызвал опасение: справлюсь ли с задачами комкора в механизированных войсках? Но воодушевляли оказанное доверие и давний интерес к бронетанковым соединениям, перед которыми открывались богатые перспективы. Все, вместе взятое, придало мне бодрости, и, следуя поговорке, что «не боги горшки обжигают», я со всей энергией принялся за новое дело, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами.

Нужно сказать, что уже в Первую мировую войну конница стала терять свое былое значение. Появились на театре военных действий массовые армии, насыщенные автоматическим оружием (пулеметы), скорострельной артиллерией, танками и авиацией. Образовались сплошные фронты. Войска, зарывшиеся в землю и огородившиеся колючей проволокой, исключали успешные действия кавалерии в конном строю. Конница наряду с пехотой была посажена в окопы, конь стал преимущественно средством передвижения. Гражданская война в России воскресила ненадолго роль конницы. Это определялось особыми обстоятельствами, в первую очередь тем, что на полях сражений не было сплошных фронтов. Конница, как наиболее подвижный в то время род войск, приобрела тогда большое значение. Этому способствовали сравнительно еще богатые в стране ресурсы конского поголовья. Сказывалось и наличие старых

кавалерийских кадров. Брошенный Коммунистической партией клич «Пролетарий, на коня!» быстро осуществился, и красная кавалерия сказала своё веское слово в разгроме внутренней контрреволюции и иностранной интервенции.

Годы шли. Народ претворял в жизнь лозунг партии – догнать передовые капиталистические страны в развитии современной промышленности. Пятилетки создавали возможность оснащать армию более совершенным вооружением. Развивалась и военная мысль. Наша военная наука далеко шагнула вперед по сравнению с военной наукой крупных капиталистических государств. Тогда на Западе были в ходу такие теории, как теории Дуэ и Фуллера. В одном случае превозносилась роль авиации, способной будто бы самостоятельно решить исход войны, в другом – возможности танковых войск. У нас же и танкам, и авиации, и артиллерии, и пехоте отводилось свое место, а в целом в основу подготовки Вооруженных Сил было положено взаимодействие всех родов войск, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие еще увлечение кавалерией, но не они делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счет некоторого сокращения конницы.

И уже во второй половине 30-х годов наши Вооруженные Силы имели значительное количество сформированных и сколоченных механизированных корпусов оперативного назначения.

Организационная структура Красной Армии и боевая готовность войск полностью соответствовали задачам, стоявшим перед армией социалистического государства. На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях. Основная масса командиров и политработников имела к тому же боевой опыт, приобретенный в Первой мировой и Гражданской войнах. Наши Вооруженные Силы способны были нанести сокрушительный удар по любому врагу, рискнувшему напасть на Советскую Родину.

Правда, в конце 30-х годов были допущены серьезные промахи. Пострадали и наши военные кадры, что не могло не отразиться на организации и подготовке войск.

Нападение фашистской Германии на Польшу и молниеносный разгром ее вооруженных сил, несмотря на мужество большинства солдат и офицеров, и еще более трагический исход военных действий во Франции подтвердили, каким преимуществом обладала Германия, создавшая мощные бронетанковые и моторизованные войска, а также сильную авиацию.

С этого момента у нас возобновилось интенсивное формирование механизированных корпусов. Радостно было сознавать, что наконец восторжествовали правильные взгляды и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня.

Итак, распрощавшись с кавалерией, я стал танкистом.

9-й мехкорпус состоял из трех дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катуков (оговорюсь, что из-за болезни командира в первые дни войны 20-ю водил в бои его заместитель полковник В. М. Черняев).

Наш корпус находился в непосредственном подчинении командования Киевского Особого военного округа.

Одна мысль руководила нами: чем быстрее приведем корпус в боевую готовность, тем лучше выполним свой долг перед народом и партией. Уже в процессе формирования развернули всестороннюю боевую подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Ведь большую часть людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов. Мне, как комкору, посчастливилось в том отношении, что ближайшие мои помощники

были образованными и самоотверженными людьми. Они умели учить бойцов и командиров тому, что потребуется на войне. Среди них прежде всего хочется выделить начальника штаба тридцатидевятилетнего генерал-майора Алексея Гавриловича Маслова. Он был, как говорилось тогда, «академиком» (то есть закончил Академию имени М. В. Фрунзе), штаб корпуса держал хорошо и всецело отдался подготовке нижестоящих штабов, дисциплинируя их работников и приучая к самостоятельности мышления. Мне нравился его стиль – требовательность и чуткость к мысли и инициативе подчиненных, органическая потребность личного общения с войсками. Большую помощь в подготовке корпуса к грядущим испытаниям оказывали мне также заместитель по технической части полковник Внуков и замполит товарищ Каменев.

Время не ждало. Фашистская Германия, опьяненная своими успехами на Западе, приступила к операциям на Балканах, покоря одну страну за другой. Все мы, военные, чувствовали, что приближается момент, когда и наша страна – хотим мы того или нет – будет втянута в водоворот разбушевавшейся войны.

Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас. Но договор давал нам возможность выиграть время для укрепления нашей обороны и лишал империалистов надежды создать единый антисоветский фронт.

Сколько эта «оттяжка» продлится, в нашем корпусном масштабе знать было не дано. Однако времени мы не теряли. В первую очередь сосредоточили свое внимание на подготовке командиров и штабов. Проводились командно-штабные выходы в поле со средствами связи и обозначенными войсками, военные игры на картах и полевые поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай внезапной войны. Обязали всех офицеров обеспечивать повседневную боевую готовность подразделений и частей, не дожидаясь полного укомплектования.

Мне, как увидит читатель, недолго пришлось командовать 9-м мехкорпусом в период войны, но я храню в душе признательность его офицерам за то, что они поняли своего командира, глубоко осознали, насколько необходимы были все наши мероприятия, продиктованные пониманием неизбежности близкой войны. То, что было сделано в те дни, не прошло бесследно, и мы это почувствовали в июне 41-го. Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость. Только командир, обладающий такими качествами, мог быть на высоте требований, предъявляемых боем.

Этого мы добивались изо дня в день, с верой в силы людей. И коллектив офицеров корпуса отвечал инициативной, самостоятельной работой. Была создана атмосфера высокой бдительности. Мне было известно, что и в других корпусах с тревогой и озабоченностью готовились ко всяким неожиданностям.

В мае 1941 года новый командующий Киевским Особым военным округом М. П. Кирпоснос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойсковой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель.

В дни полевой поездки я ознакомился с приграничной местностью на направлении вероятных действий корпуса и на других участках. Строительство укрепленного района только развешивалось.

Я не касался тогда и не касаюсь сейчас проблем большой политики, а рассуждаю как командир, накопивший к 1941 году практический боевой опыт и знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии.

Даже по тем скудным материалам, которые мне удавалось получить из различных источников, можно было сделать некоторые выводы из действий немецких войск в Польше и во Франции. Немцы заимствовали некоторые положения теории глубокого боя. В наступательных операциях ведущую роль они отводили танковым, моторизованным соединениям и бомбардировочной авиации; сосредоточивали все силы в один кулак, чтобы разгромить противника в

короткие сроки; наносили удары мощными клиньями, ведя наступление высокими темпами по сходящимся направлениям. Особое значение они придавали внезапности.

Именно поэтому мы старались держать порох сухим.

Невольно вспоминалась мне служба в Приморье и в Забайкалье в 1921–1935 годах. При малейшей активности соседа или в случае передвижения его частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы дать достойный отпор. Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил; он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре.

В Киевском Особом военном округе этого, на мой взгляд, не доставало.

Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И. И. Федюнинский, С. М. Кондрусев, Ф. В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у Ивана Ивановича Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой.

Делалось все, что было в пределах наших сил и прав, начиная с систематического наблюдения за разработкой мобилизационных документов. В частности, проверили народно-хозяйственный автотранспорт, приписанный к корпусу. К сожалению, в гражданских организациях этому вопросу не уделяли должного внимания. (Скажу сразу: в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся с 22 июня в приграничной зоне, 9-й мехкорпус не получил ни одной машины из приписанных по плану мобилизации; она, кстати, была объявлена уже в момент выступления корпуса в боевой поход.)

И самое тревожное обстоятельство – истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть. Учебная техника была на износе, моторы доживали свой срок. Пришлось мне ограничить использование танков для учебных целей из опасения, что мы, танкисты, окажемся на войне вообще без каких бы то ни было танков.

21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз.

Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили все держать наготове...

Восстановленные купюры из авторской рукописи ¹

Являясь участником Первой мировой от ее начала и до конца, а также Гражданской войны и Октябрьской социалистической революции, я приобрел богатый практический боевой опыт. Познал, что такое война в полном смысле этого слова. Прилагая много усилий к изучению военного дела, получил достаточно глубокие знания в области тактики, оперативного искусства и стратегии. С юношеских лет увлекался военно-исторической литературой, отображавшей развитие военного искусства начиная с походов Александра Македонского и римских полководцев и т. п.

Служба в Красной Армии, в войсках, располагавшихся в приграничных районах, многому меня научила. Во всяком случае, имел полное представление обо всех мероприятиях, проводимых в войсках, в задачу которых входило обеспечение (прикрытие) развертывания главных сил на случай войны. Боевая готовность этих войск всегда определялась не днями, а часами.

Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохода через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и экспу-мацию захороненных якобы здесь немецких военнопленных.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи наших солдат. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа...

¹ Здесь и далее курсивом публикуются восстановленные купюры (изъятия) из авторской рукописи. Для сохранения логики изложения в ряде случаев повторяются ранее опубликованные тексты.

Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наши печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны.

Около четырех часов утра 22 июня дежурным по штабу мне была вручена телефонограмма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива, в которой указывалось о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее.

К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб.

Неясность обстановки заставила нас в соответствии с положением о походном движении в предвидении возможной встречи с противником организовать разведку и охранение. Вызывало недоумение то обстоятельство, что в воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, в то время как немецкая появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте и без сопровождения истребителей.

О причинах этого мы вскоре узнали при виде разбитых и сожженных немецкой авиацией наших самолетов, так неразумно сосредоточенных на аэродромах, расположенных в приграничной полосе.

Совершив в первый день 50-километровый переход, основная часть корпуса, представлявшая собой пехоту, выбилась совершенно из сил и потеряла всякую боеспособность. Нами не было учтено то обстоятельство, что пехота, лишенная какого бы то ни было транспорта, вынуждена на себе нести помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50-мм и 82-мм минометы и боеприпасы. Это обстоятельство вынудило сократить переходы для пехоты до 30–35 км, что повлекло за собой замедление и выдвигание вперед 35-й и 20-й так называемых танковых дивизий.

Мотострелковая дивизия, имевшая возможность принять свою пехоту, хотя и с большой перегрузкой, на автотранспорт и танки, следовала нормально к месту назначения, к исходу дня, оторвавшись на 50 км вперед, достигла района Ровно.

Учитывая это, мы решили со штабом корпуса выдвинуться вперед на направление движения 35 т д, с тем чтобы проследить переправу последней через реку Горынь южнее Ровно. Начальник штаба генерал-майор А. Г. Маслов отдал распоряжение о подготовке командного пункта, для чего вперед выслал взвод саперов на машинах.

Прихватив с собой батарею 85-мм пушек, предназначенную для противотанковой обороны, двинулись вперед к месту предполагаемого расположения КП. Дорога пролегла через огромный массив буйно разросшихся хлебов, достигавших высотой роста человека. И вот мы стали замечать, както в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие – в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выло-

вить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружили два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танков, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться проваться к своим войскам.

Ну а их маскарад объяснялся просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их. Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде – в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительства и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны.

Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боевую способность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике... Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал, что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стрелглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объ-

явили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую розь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли, и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимися в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу «кукушками» и т. п.

Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20 тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, – извещалось в ней, – вынудило меня к самоубийству».

Случаи малодушия и неустойчивости принимали различные формы. То, что они приобрели не единичный характер, беспокоило командный и политический состав, партийные и комсомольские организации, вынуждало принимать экстренные меры для предотвращения этих явлений.

Для розыска и установления связи с 19 и 22 мк, части которых должны находиться где-то впереди или в стороне от нас, были разосланы разведгруппы, возглавляемые офицерами штаба корпуса, в нескольких направлениях. С одной из таких групп выехал начальник штаба корпуса. Возвратившись, он доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М. А. Пуркаевым. Никакой информации о положении на фронте сообщено не было, из чего следовало, что начштаба фронта сам, по-видимому, на то время ничего не знал. Это и понятно, поскольку связь с войсками была нарушена противником с первого часа нападения. Для разрушения проводной связи он применял мелкие авиабомбы, имевшие приспособление в виде крестовины на стержне. Задев провода, они мгновенно взрывались. «Бомбочки» пачками сбрасывались с самолетов. Кроме того, провода разрушались и диверсантами, подготовленными для этой цели, возможно, еще до начала войны.

Продолжая движение в район сосредоточения, мы неоднократно наблюдали бомбежку немецкими самолетами двигающихся по шоссе Луцк – Ровно колонн как войсковых частей, так и гражданского населения, эвакуировавшегося на восток. Беспорядочное движение мчавшихся поодиночке и группами машин больше напоминало паническое бегство, чем организованную эвакуацию. Неоднократно приходилось посылать наряды для наведения порядка и задержания военнослужащих, пытавшихся под разными предлогами (необоснованными) уйти подальше от фронта.

Комментарий Ариадны Рокоссовской ²

Воспоминания прадеда начинаются со слов: «Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи». За этой короткой фразой стоит целая трагическая эпоха в жизни его и многих его соотечественников – эпоха репрессий. О том, что было до поездки в Сочи, он почти никогда не упоминал в разговорах с близкими и друзьями. Только один раз, спустя много лет, на вопрос бабушки, почему он всегда держит при себе маленький браунинг, прадед ответил: «Если за мной придут еще раз, живым я не дамся». И никаких подробностей.

Казалось, он хотел стереть из памяти несколько предвоенных лет. Известная узкому кругу родных и друзей правда о том, как его пытали, что инсценировали расстрел, что он, несмотря на это, не только ничего не подписал и никого не оговорил, но и другим советовал не подписывать, чтобы «коли придется умереть, то с чистой совестью», стала достоянием общечеловеческой уже после его смерти.

В 1990-е годы доктор химических наук, профессор Владимир Вацлавович Рачинский, попавший в 1937 году в «Кресты» как «член семьи изменника Родины», опубликовал очерк «Моя жизнь», в котором вспоминал и время, проведенное в камере номер 6. «Всех заставляли подписывать клеветнические за самих себя и других ложные протоколы допроса. Тех, кто отказывался подписать ложный протокол, избивали до тех пор, пока ложный протокол не был подписан. Были стойкие люди, которые упорно не подписывали. Но таких было относительно мало. К. К. Рокоссовский, пока он сидел со мной в одной камере, так и не подписал ложный протокол. Но это был мужественный и сильный человек, высокого роста, плечистый. Его тоже били».

Что же касается сохранившихся документов, из них следует лишь, что в начале 1936 года комдив Рокоссовский прибыл в город Псков, где принял командование 5-м кавалерийским корпусом. Он поселился вместе с семьей в доме N 11/4 по ул. Ленина. А 27 июня 1937 года дивизионная партийная комиссия при политическом отделе 25 кавалерийской дивизии постановила «за потерю классово-бдительности Рокоссовского К. К. из рядов ВКП(б) исключить». 5 июля 1937 года он был уволен из РККА и, как свидетельствуют документы сфабрикованного «дела», находился под следствием НКВД.

3 августа прадед написал в письме наркому обороны Клементу Ефремовичу Ворошилову: «Товарищ народный комиссар обороны. Беру смелость вторично обратиться к вам с просьбой о проявлении ко мне справедливости, так как ничего порочащего меня я за собой не чувствую. Вся моя служба в РККА прошла на глазах сотен командиров, тысяч красноармейцев и мл. командиров. Сохранились живые люди, которые могут рассказать о моем отношении к службе, об отношении к людям, о моем поведении... Что может быть тяжелее, чем сознание того, что я, завоевавший своей кровью свое почетное право быть гражданином подлинного Отечества трудящихся СССР, не раз жертвовавший своей жизнью за Советскую власть и готовый в любую минуту отдать эту жизнь за приобретенное мною отечество, в этом отечестве отнесен к числу лиц, не внушающих доверия? Я ничем не опорочил себя и поэтому вторично прошу Вас отнестись ко мне как к живому человеку – вернуть меня в армию и дать мне возможность начать службу с начала хотя бы на должности командира эскадрона. Комдив Рокоссовский».

Когда прадед взялся за мемуары, он хотел написать об этом, но, видимо, не смог найти нужных слов. Одна из попыток такого рассказа, с которого он хотел начать вторую главу своих воспоминаний, сохранилась в семейном архиве: «После тридцатимесячного срока пребывания в заключении – под следствием, был освобожден и полностью реабилитирован. Вышел

² Здесь и далее (если не указано иное) комментарии принадлежат Ариадне Рокоссовской, правнучке маршала К. К. Рокоссовского.

на свободу, задавая себе неразрешенный вопрос, кому и для какой цели понадобилось все то, что было проделано в 1937 году. Ведь удар был нанесен по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной армии. Своими делами и кровью доказавшими свою безграничную преданность Коммунистической партии, Советской власти и социалистической Родине. Последствия проделанной черной работы сказались уже в финскую кампанию. Красная армия оказалась к моменту назревающих событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой военных кадров была сведена к нулю. На руководящих постах звено высшего командного состава, за исключением единиц, оказались малоопытные, не подготовленные к руководству в военное время кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно.

В основном, Красная армия воспитывалась и готовилась в правильном направлении, занимая ведущее место среди передовых европейских стран. Командный состав Красной армии был на должной высоте как по теоретической подготовке, так по практическому опыту. Старший и высший командный состав прошел Гражданскую войну и в своем подавляющем большинстве имеет боевой опыт двух войн – Первой мировой и Гражданской. В это же время, руководствуясь необоснованными подозрениями, этот командный состав в своем подавляющем большинстве был репрессирован или отстранен от руководства подготовкой вооруженных сил.

К руководству войсками были привлечены молодые кадры, не обладавшие достаточным жизненным и командным практическим опытом – по должностям, на которые они назначались. Как это проводилось, сошлюсь только на один пример, как очевидец: в июле 1937 года сменивший маршала Советского Союза Шапошникова, командовавшего в то время Ленинградским военным округом Дыбенко – созвал весь высший командный состав войск округа и объявил нам о том, чтобы мы, вернувшись во вверенные нам войска, каждый выбрал бы себе по 2 лучших лейтенантов и в течение 2-3-х месяцев подготовили себе из них заместителей на занимаемые нами должности. На заданный с нашей стороны вопрос – что же нам после этого делать – последовал с его стороны ответ, что для нас место найдется. И действительно, такое место почти для всех нас было найдено...»

«Член семьи изменника Родины» – это официальная, закреплённая в нескольких нормативных актах, в том числе УК РСФСР, формулировка. Моя прабабушка Юлия Петровна как жена «врага народа» не имела права жить в приграничном городе, которым был тогда Псков. Вместе с дочерью – моей бабушкой – Адой они уехали в Армавир. Чтобы выжить, Юлия Петровна бралась за любую работу, например была кассиршей в парикмахерской, но каждый раз, когда на работе узнавали, что ее муж «сидит», ее увольняли. Выжить помогали облигации государственного займа, на которые прадед как член партии был обязан подписываться в 1930-е годы. Прабабушка относил их в залог и получала хоть какие-то деньги.

Несладко пришлось и бабушке. Когда прадеда арестовали, ей было 12 лет. В школах в те времена детей «врагов народа» заставляли публично отречься от родителей, устраивали показательные выступления. Она вспоминала, что в одной из школ произошел такой вопиющий случай: в класс во время урока вошла директор и сказала детям, что среди них находится дочь врага народа. «Ада, встань», – приказала она, повернувшись к бабушке. Но Ада Рокоссовская характером была в отца – она отказывалась отречься от него, дралась, конфликтовала с учителями и администрациями учебных заведений, переходила из школы в школу.

Выстоять Юлии Петровне и Аде помогало сознание того, что любимый муж и отец жив. Чтобы это выяснить, прабабушке пришлось отправить бабушку с передачей для прадеда одну в Москву – на Лубянку. Она узнала, что если передачу принимают, значит, человек находится в списке живых заключенных. Но сама она должна была постоянно отмечаться по месту пребывания в Армавире. Поэтому ей ничего не оставалось, как отправить дочь в столицу. К счастью, в поезде бабушке попались хорошие люди – муж и жена. Они не побоялись помочь «дочери

врага народа» – по приезде в Москву отвели Аду на Лубянку, а потом проводили на вокзал и посадили на обратный поезд. Передачу приняли. Прадед был жив.

«Справка от 4 апреля 1940 года. Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г. р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 года по 22 марта 1940 года содержался во внутренней тюрьме УГБ НКВД ЛО и 20 марта из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела». Следующий документ – от 4 апреля 1940 года: «Комдив запаса Рокоссовский восстанавливается в Красной Армии. Приказ об увольнении отменить».

Бои начались

Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штаба. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника Особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Н. А. Новикову, Н. В. Калинин и В. М. Черняеву прибыть на мой КП.

Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ.

Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Соппротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день.

А. Г. Маслов с утра добивался связи с вышестоящим командованием. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк. Один из работников штаба армии торопливо сказал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте ему неизвестно.

Почти к этому же времени удалось получить сведения, что Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась.

С командованием округа, которому мы непосредственно подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня – никаких распоряжений.

Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков. Зенитная артиллерия обстреляла их.

Это еще раз убедило меня в том, что действую правильно, и я все внимание сосредоточил на подготовке войск.

Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава, проверка готовности частей, митинги личного состава – все нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.

Вот деталь, по которой читатель – представитель нового поколения, – возможно, поймет ход мыслей комкора в первый день так неожиданно начавшейся войны. Выступая в поход по тревоге, я запретил выдавать командирам и сержантам защитного цвета петлицы и знаки различия. Командир должен резко выделяться в боевых порядках. Солдаты должны его видеть. И сам он должен чувствовать, что за его поведением следят, равняются по нему.

В четырнадцать часов 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде следовала одной колонной 131-я моторизованная дивизия. Ее вел полковник Н. В. Калинин, хороший боевой командир, из бывших кавалеристов. По расчету времени эта дивизия выдвигалась значительно вперед. Калинин сумел, правда с большой перегрузкой, усадить свою пехоту на автомашины и танки. Немного грузовиков мы смогли ему подбросить в последний момент.

В центре уступом назад шла 35-я танковая дивизия генерал-майора Н. А. Новикова, опытного танкиста, а левее – 20-я танковая дивизия. Организовали разведку и охранение.

В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей.

Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы.

К началу войны 9-й мехкорпус был укомплектован личным составом почти полностью. Не хватало еще вооружения, и обучение людей не было завершено. Но в сложившейся обстановке воевать с этим составом было можно.

Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни повозок, ни коней.

Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг. Однако вспоминая минувшее, я могу теперь сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант действий корпуса на тот случай, если война застанет его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. А об этом не следовало забывать. Директива имела в виду полнокровное механизированное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи.

Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Жизнь заставляла! Основная масса войск корпуса – по существу, пехота, лишенная конского тягла, – совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, 50 и 82-мм минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару...

Пришлось сократить переходы до 30–35 км. Ночью вместе с Новиковым и Черняевым обдумали итоги первого дня и сделали выводы. Дали нашим так называемым танковым дивизиям новый порядок движения. В первом эшелоне – танки с пехотным десантом и частью артиллерии. Этот эшелон двигался скачкообразно, от рубежа к рубежу, отрываясь от пехоты и поджидая ее. Основная масса войск и артиллерии следовала вторым эшелоном в обычном, предусмотренном для пехоты порядке.

Моторизованная дивизия, имея машины, к исходу 22 июня достигла района Ровно, где и остановилась на привал, совершив 100-километровый переход. К этому времени связь штаба корпуса со всеми соединениями была устойчивой, и положение не вызывало беспокойства.

Утром 23 июня полковник Калинин прислал донесение. Командарм М. И. Потапов временно подчинил его дивизию себе и поставил задачу: выйти на реку Стирь, занять к исходу дня оборону по восточному берегу этой реки на участке Жидичи, Луцк, Млынов и не допустить прорыва немцев на восток. Сделано это было через голову командира корпуса.

Из донесения и из других источников смутно вырисовывалась картина событий на луцком направлении. Во всяком случае, стало очевидным, что противнику удалось прорваться через границу и значительно продвинуться вглубь.

Не изменяя походного порядка, главные силы корпуса продолжали 23 июня движение по намеченным маршрутам, усилив разведку на флангах.

Поскольку Калинин был впереди, мы решили выдвинуть на направление 35-й танковой дивизии наш КП. Маслов выслал вперед взвод саперов на машинах, и мы поехали с намерением по пути проследить переправу частей генерала Новикова через реку Горынь южнее Ровно.

Паром не мог обеспечить по времени переправу дивизии. Внесли поправку, распорядившись использовать мост у местечка Гоша. Затем наш штаб двинулся далее. На всякий случай я взял с собой батарею 85-мм пушек.

К концу дня из рощи, находившейся километрах в трех восточнее Здолбунова, навстречу нам выдвинулись пять немецких танков и три автомашины с пехотой. Штаб подготовился к бою. Батарея развернулась, получив распоряжение открыть огонь прямой наводкой. Немцы, увидев это, не приняли боя и быстро ретировались в лес.

КП пришлось оборудовать несколько севернее.

Положение требовало выяснить обстановку и в зависимости от этого начать действовать, дав войскам возможность хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок после форсированных переходов.

Где-то впереди или в стороне от нас должны были находиться части 19-го и 22-го мехкорпусов генералов Н. В. Фекленко и С. М. Кондрусева. Разведгруппы, возглавляемые командирами из штаба корпуса, отправились на поиски. С одной из них на своем неизменном мотоцикле выехал начальник штаба корпуса. В результате мы установили, что Кондрусев выступил в направлении Ковеля и передовыми частями уже ведет бой севернее Луцка. Корпус Фекленко движется на Дубно.

Маслов, вернувшись, доложил, что ему удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М. А. Пуркаевым. Тот успел передать, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и нам следует сосредоточиться в районе Клевани, Олыка.

Наши части шли вперед. Навстречу по шоссе Луцк – Ровно двигались на восток беспорядочные толпы людей. Над шоссе часто появлялись немецкие самолеты. Они бомбили войска и беженцев.

24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

35-я танковая дивизия вела бой юго-западнее Клевани, имея перед собой части 13-й немецкой танковой дивизии.

20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев. Уже в тот день полковник Черняев показал, что обладает качествами настоящего командира. Закрепившись, его дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника.

КП корпуса расположился в районе Клевани. На следующий день та же картина – упорные оборонительные бои на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани с танками и мотопехотой двух немецких дивизий (14-й и 13-й). Противник стремился перехватить дорогу Ровно – Луцк и овладеть Луцком. Наши части героически отразили эти попытки. Лишь к вечеру стало затихать. Немцы тогда ночью не наступали. Закатывалось солнце – и они останавливались на отдых.

26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимирволинском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создавалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба.

Корпуса продолжали тяжелые бои с противником, который все усиливал нажим. Кроме действовавших здесь танковых и моторизованных сил он подтянул и пехотные дивизии.

Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й мехкорпус сам был атакован большими вражескими силами, понес потери и отброшен на северо-восток от Луцка. В самом начале боя был убит генерал Кондрусев, в командование вступил начальник штаба В. С. Тамручи. Сосед слева – 19-й корпус – при попытке начать наступление тоже был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой.

Вечером к нам на КП пришел очень расстроенный командир танковой дивизии 22-го мехкорпуса с забинтованной рукой. Тон его доклада вынудил меня к довольно резкому разговору:

– Немедленно прекратите разговоры о гибели корпуса! Двадцать второй дерется, я только что говорил с Тамручи. Идите, приступайте к розыску своих частей, присоединяйтесь к ним...

Выехав с группой офицеров штаба на высотку в расположении ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев.

Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, – это опереться на артиллерию. Так я и поступил. Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить один яркий момент этих до невозможности трудных боев.

Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не наносить контрудар, а встретить врага в обороне. В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк – Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с ее артполком, вооруженным новыми 85-мм орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил маневр.

Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть – прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашин и танки.

Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели.

Враг понес тут большие потери и был отброшен. Генерал Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высоты.

Н. В. Калинин прислал в штаб корпуса важные показания пленного немецкого полковника, который на допросе сказал:

– Артиллерия ваша превосходна, да и дух русского солдата на высоте...

Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость» не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкеры». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы.

Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно – в более широком понимании – необходимо и высшему комсоставу действующих войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Работники штаба во главе с генералом Масловым быстро освоились в той порою, казалось, невыносимой обстановке, в которую мы попали, и смогли обеспечить нас необходимой информацией. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания.

По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, что я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении. К тому же и связь с ним чаще всего отсутствовала.

Полезные данные были получены при опросе пленных, а их наши дивизии взяли уже несколько сот человек – как солдат, так и офицеров. Среди них был и захваченный артиллеристами Черняева полковник, у которого оказались ценные документы и карты. Они помогли нам лучше представить обстановку.

Картина была неутешительной. Немцам удалось внезапным ударом заранее сосредоточенных крупных сил прорваться на стыке 5-й и 6-й наших армий. В прорыв вошли танковые и моторизованные соединения. Эти войска развивали успех, стремясь быстрее продвинуться на житомирском направлении.

Главный удар противника пришелся южнее нас. Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я все же откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара.

Нам тоже было нелегко. Командир 131-й мотодивизии донес, что пехота и танки противника отбросили его полки, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировали реку. Напрашивался вывод, что враг наращивает силы и на нашем направлении и готовит здесь более мощный танковый удар.

Дивизии наши поределли. Но бойцы и командиры из необстрелянных стали обстрелянными. Значение этого нельзя недооценивать. Они на личном опыте убедились, что «немцев, как и японцев, бить можно» (это выражение одного танкиста из 35-й танковой дивизии; я поинтересовался – при чем тут японцы? Оказывается, он помнил Халхин-Гол). Словом, люди стали сильнее.

Во время тяжелых боев мы нашли и необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродили тогда немало бойцов, потерявших свои части. Мы собирали их и направляли в наши пехотные полки. Многие из этих бойцов отлично проявили себя затем в боях...

Немцы бросали против 9-го мехкорпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня. Противнику не удалось перехватить дорогу Ровно – Луцк на направлении Клевани, не удалось ему и вообще прорвать оборону войск 5-й армии. Правда, он смог вводом дополнительных сил потеснить правый фланг армии на участке Ковель, Луцк и форсировать реку Стырь. Но этим немцы не избавили себя от угрозы со стороны наших войск, то есть 5-й армии и приданных ей мехкорпусов, нависавших с севера над флангом основной немецкой группировки, устремившейся на Житомир. Эта угроза сильно беспокоила вражеское командование. Отсюда – непрерывные атаки, все более мощные, с целью ее ликвидировать.

30 июня для наших войск создались серьезные трудности на житомирско-киевском направлении, вследствие чего 5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов. К нашему огорчению, состояние старых УРов не улучшилось. Соединения корпуса, отражая атаки наседавшего противника, отходили от рубежа к рубежу, применяя методы «подвижной обороны».

У Новоград-Волынского корпус, отбив врага, занял оборону по реке Случь, оседлав дорогу на Житомир.

Немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и БТ.

После форсированных переходов и десятидневных боев у нас и этих устаревших танков оставались единицы (насколько мне известно, не лучше было и в 19-м и в 22-м мехкорпусах). Несмотря на столь плачевное положение с материальной частью и понесенные в боях потери, корпус продолжал упорно сражаться.

Командиры дивизий полковник Н. В. Калинин, генерал Н. А. Новиков и полковник В. М. Черняев оказались на высоте в этих первых боях. В обстановке исключительно сложной они с честью справились со своими трудными обязанностями. Сказались глубокие знания, творческая инициатива, решительность, умение, не колеблясь, брать на себя ответственность, когда этого требовала резко меняющаяся обстановка. Командиру корпуса было легко работать с такими замечательными офицерами, хотя слово «легко» кажется неподходящим для тех дней.

Помнится, когда еще корпус дрался в районе Клевани и помешал немцам перерезать шоссе, удалось как-то собраться накоротке. Впервые после начала войны встретились все вместе – командование корпуса и командиры дивизий. Дружеские объятия. Расцеловались. Живы. И воюем. К сожалению, с некоторыми из моих славных соратников по 9-му мехкорпусу эта встреча была последней. Вскоре после боев под Клеванью мы потеряли прекрасного офицера полковника В. М. Черняева. Он был тяжело ранен. И хотя нам удалось эвакуировать его в харьковский госпиталь, Черняев скончался там от гангрены. Боевые друзья хранят о нем светлую память.

Ни огромное превосходство противника в танках, ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь.

Сочетая усилия пехоты, артиллерии и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон. И это нам удалось на протяжении всех боев под Луцком и под Новоград-Волынским. За отличия в этих боях все командиры дивизий 9-го мехкорпуса, многие командиры полков и другие командиры и политработники были отмечены правительственными наградами. Получил орден и наш неутомимый начальник штаба. Я был также награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В разгар боев под Новоград-Волынским, где немцы пытались отбросить наш корпус на северо-восток, обеспечивая себе продвижение к Киеву, пришло распоряжение Ставки. Меня назначали командующим армией на Западный фронт. Было приказано немедленно прибыть в Москву.

Сдав командование генералу А. Г. Маслову, 14 июля на машине отправился в Киев. Приехал туда поздним вечером. Крещатик, обычно в эти часы заполненный народом, был пуст, молчалив и погружен в темноту.

На восточном берегу Днепра, в Броварах, разыскал КП фронта. Остаток ночи провел в штабе, договорившись утром вылететь самолетом в Москву.

Утром представился командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии.

Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам.

А немцы раскалывали войска Юго-Западного фронта в центре, стремительно продвигаясь к Киеву. Появилась угроза окружения 6, 26 и 12-й армий.

15 июля я покинул Киев, получив предварительно сведения, что на Западном фронте тоже неблагополучно – немцы подходят к Смоленску.

По дороге в Москву невольно снова и снова перебирал в памяти все, что пришлось увидеть и пережить накануне и в первые недели войны. Мне уже тогда стали известны многочисленные примеры невиданной стойкости наших солдат. Подлинный героизм проявили гарнизоны Бреста, Либавы. С беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения. И все же было ясно, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к расшатанному фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять мощной военной машине противника, но и нанести ему сокрушительный удар.

На первый план выдвигалась задача задержать, остановить врага. Это был вопрос жизни или смерти для всей страны.

В разгаре было Смоленское оборонительное сражение, и мне выпала честь стать его участником на завершающем этапе.

Восстановленные купюры из авторской рукописи

26 июня я выехал с группой офицеров штаба на одну из высот в расположение ведущих бой частей 20-й танковой дивизии. Отсюда наблюдали движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны машин, танков и артиллерии противника. Одновременно с ней с юга в направлении действий наших 20 и 35 тд подходили танковые, моторизованные и пехотные части с артиллерией. Не менее тревожное сообщение поступило от командира 131 мд. Он доносил, что противник (пехота с танками) отбросил части дивизии, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировал реку. Следовательно, на направлении, где действовал наш корпус, можно было ожидать удара более крупными силами.

Нужно заметить, что к этому времени, о котором упоминаю, с информацией войск о положении на фронте дело обстояло из рук вон плохо. Информацию приходилось добывать самим. И если о событиях на нашем направлении удавалось более-менее узнавать и догадываться, то о происшедшем или происходящем на участке других армий Юго-Западного фронта мы ничего не знали. По-видимому, и штаб 5-й армии тоже ничего не знал, ибо он нас не информировал. Связь корпуса со штабом 5-й армии чаще всего отсутствовала, а с соседями периодически прекращалась.

Нам стало известно, что 22 мк атакован противником, понес большие потери и отброшен на северо-восток от Луцка. Сосед слева, 19 мк, при попытке перейти в наступление тоже атакован противником и, понеся большие потери, отброшен к Ровно, где продолжает вести бой.

К вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клевани прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посочетовать им немедленно прекратить разглазольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним.

А накануне в районе той же Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной

команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса.

В разгар боев под Новоград-Волынским и юго-восточнее его мною было получено распоряжение Ставки о назначении меня командующим армией Западного фронта и о немедленном прибытии в Москву.

14 июля я отправился на машине в Киев.

В город прибыл ночью и поразился безлюдью и царившей в нем зловещей тишине.

Крепятик, обычно в это время кишевший народом, оглашавшийся громкими разговорами, шумом, смехом и сияющий огнями витрин, был пуст, молчалив и погружен в темноту. Ни одной живой души не видно на улицах. Остановив машину для того, чтобы узнать, где можно найти штаб фронта, я закурил папиросу. И тут же из мрака на меня обрушилось: «Гаси огонь!..», «Что, жизнь тебе надоела?...», «Немедленно гаси!..». Раздались и другие слова, уже покрепче. Это, должен сознаться, меня сильно удивило. Уж очень истерические были голоса. Это походило уже не на разумную осторожность, а на признаки панического страха. Что ж, пришлось покориться и быстро потушить папиросу.

КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающаяся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО?... Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!» Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы. Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности и горе войскам, ему вверенным. С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 году он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его.

В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?...

Приходилось слышать и читать во многих трудах военного характера, издаваемых у нас в послеоктябрьский период, острую критику русского генералитета, в том числе и русского Генерального штаба, обвинявшегося в тупоумии, бездарности, самодурстве и пр. Но,

вспоминая начало Первой мировой войны и изучая план русского Генерального штаба, составленный до ее начала, я убедился в обратном.

Тот план был составлен именно с учетом всех реальных особенностей, могущих оказать то или иное влияние на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. Им предусматривались сравнительные возможности России и Германии быстро от мобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого исходили при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. В соответствии с этим определялись также силы и состав войск прикрытия развертывания. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж приграничных крепостей. Вот такой план мне был понятен.

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?...

Мне остро захотелось узнать, где намечался рубеж развертывания. Предположим, что раньше он совпадал с рубежом наших УРов, отнесенных на соответствующее расстояние от старой границы. Это было реально. Но мог ли этот рубеж сохранить свое назначение и в 1941 году? Да, мог, поскольку соседом стала фашистская Германия. Она уже вела захватническую войну, имея полностью отмобилизованными свои вооруженные силы.

Кроме того, необходимость заставляла учитывать такой важный фактор, как оснащение вооруженных сил новой техникой и вообще новыми средствами, чего не было в прежних армиях. Ведь он обусловил и новый характер ведения войны. К примеру, значительно увеличилась подвижность, а стало быть, и маневренность войск на театре военных действий.

Не прибегая к мобилизации, мы обязаны были сохранять и усиливать, а не разрушать наши УРы по старой границе. Неуместной, думаю, явилась затея строительства новых УРов на самой границе на глазах у немцев. Кроме того что допускалось грубейшее нарушение существующих по этому вопросу инструкций, сама по себе обшая обстановка к весне 1941 года подсказывала, что мы не успеем построить эти укрепления. Долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения.

Вспомнилась окружная полевая поездка в июне 1941 года, то есть накануне войны, и беседы со многими товарищами, которые здраво оценивали положение, создавшееся к тому времени. Мы сходились во мнении, что немцы развязали себе руки на Западе, готовы к использованию своего преимущества для нападения на СССР. Но неужели это не чувствовали военные руководители центрального и окружного масштаба? Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа (округами пограничными)? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришел к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага.

На мою долю выпала честь всю свою службу в Красной Армии провести в приграничных округах: на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в БВО и ЛВО. Это дало мне возможность глубоко изучить задачи, возлагаемые на приграничные войска, а также положения, обязывающие их поддерживать постоянную повышенную боевую готовность, способность в нескольких часов приступить к активным действиям. Соответственно определялась и дислокация войск в мирное время. Кроме того, на период угрожающего положения войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях... Велась, но только не в КОВО. Потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно неподготовленными к встрече врага. Их дислокация у нашей границы не соответствовала угрозе

возможного нападения. Многие ее соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили.

То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше.

Можу о том судить хотя бы по содержанию оперативное пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 мк, но и 19-й, 22-й да другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формироваться значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Сохранение трех упомянутых корпусов (всего таких в КОВО имелось пять) сыграло бы решающую роль в нанесении последующего контрудара совместно с подходившими из глубины страны общевойсковыми армиями. А так они из-за слабого оснащения танками представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имели и положенного стрелковому соединению вооружения. В то же время задачи ставились исходя из их предназначения, то есть формального названия, а не из возможностей.

Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ – посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты.

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где разворачивались эти трагические события.

Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри», то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям.

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М. П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один – к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику.

Вспоминая в дороге все, что мне пришлось видеть, ощущать и узнать в первые недели войны, я никак не мог разобраться, что же происходит.

Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу.

Комментарий Ариадны Рокоссовской

Письмо от 8 июля 1941 года:

«Дорогая Lulu и милая Адуся! „Куда, куда вы удалились?“ Кличу, ищу вас – и найти не могу... Как мне установить с вами связь, не знаю. Я здоров, бодр, и никакая сила меня не берет. Не волнуйся, дорогая: я старый воин. Столько войн и передраг прошел и остался жив. Переживу и эту войну и вернусь к вам таким же бодрым, жизнерадостным и любящим вас. Спешу писать, идет бой. До свидания, мои милые, дорогие, незабвенные. Целую вас крепко, крепко. Безгранично любящий вас ваш Костя».

В начале войны они, как и многие, потеряли друг друга. Прадед командовал механизированным корпусом на Украине в городе Новоград-Волынский, его корпус принял на себя один из первых ударов фашистских войск. Получив информацию о возможном нападении, ночь с 21 на 22 июня он провел в своем штабе. А бабушка, которой тогда только исполнилось 16 лет, участвовала в самодеятельности, и как раз этим утром должна была ехать на концерт в одну из соседних частей. Она вспоминала, что встала очень рано и побежала к Дому культуры, откуда должна была отправляться машина. На полпути она встретила прадеда, который быстро шел к дому. Он велел ей немедленно возвращаться домой, сказал: «Война, дочурка». Через несколько минут он уехал в дивизию, и до самой осени его жена и дочь не знали, где он и что с ним.

Адъютант Рокоссовского посадил их на поезд в Киеве. Они должны были ехать в Москву к сестре Юлии Петровны Анне, но на подъезде к столице поезд повернули и всех пассажиров направили в эвакуацию в Казахстан. Оттуда прабабушка с бабушкой решили ехать в Новосибирск, где жил брат Юлии Петровны. К тому моменту, когда письмо Рокоссовского нашло их, они жили с семьей брата прабабушки в одной комнате, как говорится, в тесноте, да не в обиде. А прадед на Украине пробыл недолго: в середине июля он прибыл из Киева в Москву, откуда отправился под Ярцево. Неудивительно, что в неразберихе первых недель войны Рокоссовский и его семья не могли установить связь.

Когда наладилась работа почты, Юлия Петровна начала получать письма, которые ее муж рассылал с начала июля всем ее родным и друзьям в надежде рано или поздно напасть на след жены и дочери, телеграммы, почтовые переводы. И она стала писать ему на все адреса, с которых писал он, – сначала на Юго-Западном фронте, на Украине, затем на Западном – в Ярцево, в Волоколамске, под Москвой... Когда, наконец, стало известно, что бабушка – жена того самого генерала Рокоссовского, отличившегося при обороне столицы, им выделили в Новосибирске небольшую отдельную комнату. Прабабушка получила возможность работать при военкомате – ее задачей было находить людей, которые могли бы работать вместо тех, кто уходил на фронт. А узнав, наконец, адрес полевой почты прадеда, она срочно отправила ему телеграмму: «Дорогой Костик! Твое беспокойство напрасно – мы живы, здоровы. Письма, деньги, справку – все от тебя получили. На днях получили комнату. Письма тебе писала – должен получить. Будь здоров! Сражайся до победы! Lulu – Ада».

На Ярцевских высотах

Итак, несколько часов в Москве. Ставка. Здесь мне было сказано, что на смоленском направлении «образовалась пустота» в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево. Задача: прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы.

Узнал я, что Ставка и командование Западного фронта, учитывая значение днепровского рубежа, спланировали создать в районе Ярцева сильную подвижную группу в составе двух-трех танковых и одной стрелковой дивизий. Предполагалось, что ее активные наступательные действия, поддержанные частями 16-й и 20-й армий, смогут привести к резкому улучшению оперативной обстановки и позволят удержать Смоленск. Вот меня и ставили во главе этой группы. На вопрос, какие и откуда будут выделены войска в мое распоряжение, мне назвали несколько дивизий и полков и разрешили подчинять себе все, что встретим по дороге от Москвы до Ярцева.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

Генеральный штаб выделил в мое распоряжение две автомашины со счетверенными зенитными пулеметными установками и расчетами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров.

К вечеру того же дня новое «соединение» прибыло на фронт.

Командный пункт маршала С. К. Тимошенко располагался в Касне. Пошел представиться и уточнить задачу. Маршал встретил приветливо, познакомил меня с членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным и начальником политуправления Д. А. Лестевым.

У командования фронта сложилось определенное мнение: центральная группа армий противника, продолжая наступление, использует крупные танковые и моторизованные соединения; они на некоторых участках прорвали фронт и стремятся в глубину, чтобы окружить и уничтожить наши войска под Смоленском. Полагая, что силы Красной Армии уже достаточно ослаблены и не смогут оказать серьезного сопротивления на московском стратегическом направлении, гитлеровское командование решило одним ударом преодолеть здесь последнюю преграду. 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь подхода 9-й и 2-й полевых армий, должны были рассечь на нескольких направлениях войска нашего Западного фронта, окружить и уничтожить их главные силы в районе Смоленска и открыть себе дорогу на Москву.

В соответствии с этим и организовывалась борьба наших немногочисленных сил.

В первом оперативном эшелоне на смоленском и витебском направлениях действовали 20-я армия генерала П. А. Курочкина и 19-я армия генерала И. С. Конева.

Курочкину, по словам командующего фронтом, было крайне тяжело. Его войска уже долго вели оборонительные бои с врагом, намного превосходившим их и в людях, и в технике. 20-ю армию время от времени удавалось подкреплять за счет прибывавших частей 16-й армии, в частности, так был введен в бой – и тоже разрозненно – 5-й мехкорпус И. П. Алексеенко.

Конев со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно. Массированные удары немецкой авиации по атакующим частям срывали все эти попытки, вынуждали к отходу.

М. Ф. Лукин пока еще держал Смоленск, и, видимо, С. К. Тимошенко был уверен в его непоколебимости, хотя у командующего 16-й армией к этому времени осталось всего две стрелковые дивизии. Но это были прекрасные соединения – кадровые забайкальские дивизии, закалку и традиции которых трудно переоценить. Мне запомнились слова, услышанные в штабе фронта: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Горловину мешка в районе соловьевской и ратчиновой переправ через Днепр немцы всячески пытались перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А. И. Лизюкова, которому ввиду важности дела коман-

дующий фронтом лично поставил задачу обеспечить пути подвоза всего необходимого борющимся под Смоленском войскам, а в случае надобности – и пути их отхода.

– Лизюков – надежный командир, – сказал маршал. – Недавно я посылал Льва Доватора проверить, как там у него дела. Он вернулся в восторге, даже предложил отметить Лизюкова наградой, а я Доватору верю...

Здесь я впервые услышал о Л. М. Доваторе, который в то время состоял в резервной группе офицеров при командующем фронтом. Вскоре он получил кавалерийский корпус, и отсюда начался славный боевой путь этого генерала в Великой Отечественной войне.

В штабе фронта я ознакомился с данными на 17 июля. Работники штаба не очень-то были уверены, что их материалы точно соответствуют действительности, поскольку с некоторыми армиями, в частности с 19-й и 22-й, не было связи. Поступили сведения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника. Данные о высадке воздушного десанта в Ярцево имелись, но они еще не были проверены.

Ночью я выехал в Ярцево. На прощание командующий фронтом сказал:

– Подойдут регулярные подкрепления – дадим тебе две-три дивизии, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на ярцевском рубеже.

Мы и стали это делать сразу, собирая на пути в Ярцево всех, кто мог быть полезен для борьбы.

В короткое время собрали порядочное количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, саперы, пулеметчики, минометчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам оченьгодились.

Так началось в процессе боев формирование в районе Ярцева соединения, получившего официальное название «группа генерала Рокоссовского».

Для управления был буквально на ходу сформирован штаб из пятнадцати – восемнадцати офицеров. Десять из них окончили Академию имени М. В. Фрунзе и находились в распоряжении отдела кадров Западного фронта. Я заметил, что они с охотой приняли назначение. Какой офицер – если это настоящий офицер! – не стремится в трудные моменты в войска, чтобы именно там применить свои способности и знания! В числе этих товарищей был подполковник Сергей Павлович Тарасов. Он стал начальником нашего импровизированного штаба, он же возглавил и оперативный отдел. Как говорят, «и швец, и жнец...». Сухощавый, выносливый, со спортивной закалкой, не раз выручавшей его в горячие минуты боя, подполковник в самой сложной ситуации мог сохранять ясность мысли. Руководителю штаба все-таки нужно немного тишины. А наш штаб работал под огнем, находясь там, где создавалось наиболее угрожаемое положение. Казалось, никаких условий для штабной работы!..

Условий не было. А штаб все-таки был – штаб на колесах: восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика со счетверенными зенитными пулеметными установками. Прибыв под Ярцево, штаб быстро сориентировался в обстановке, установил связь с частями, оказавшимися в этом районе, и приступил к организации обороны. Бывало, подполковник срывался:

– Все шиворот-навыворот, черт знает, зачем нас учили!.. Обычно даешь связь сверху вниз, а тут едешь и кланчишь в частях: дайте конец на КП командующего...

Скудость средств вынуждала нас протягивать провода почти по переднему краю вдоль фронта. Отсюда частые порывы. Выручали нас «офицеры на колесах». Да, живая связь тогда решала почти все, особенно в первые десять дней.

К достоинствам офицеров управления отнесу глубокое понимание важности возложенной на них задачи, смелость, доходившую до самопожертвования, а также способность быстро разбираться в запутанной обстановке и проявлять инициативу. Не раз я в мыслях добром помнил Академию имени Фрунзе, подготовившую этих товарищей.

И самому командующему группой войск тоже приходилось работать у переднего края, переезжая с одного участка на другой.

Первым соединением, которое мы встретили восточнее Ярцева, оказалась 38-я стрелковая дивизия полковника М. Г. Кириллова. Он был уже в возрасте и опытен. Дивизия эта принадлежала 19-й армии, воевала и потеряла при отходе связь со штабм. Кириллов, почувствовав неожиданный нажим немцев у Ярцева, занял, как мог, оборону. Поскольку мне еще в Касне стало известно, что связи с И. С. Коневым нет, я использовал 38-ю дивизию для отпора противнику непосредственно у Ярцева, которое было уже в руках врага.

Командир дивизии обрадовался, что он наконец-то не один. Мы пополнили его полки собранными в дороге людьми. Нужно сказать, что такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево и по восточному берегу реки Вопь находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди уже сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или же группами во главе с командным составом.

Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией врага, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможности объединиться. Они хотели воевать. Именно это и позволило нам преуспеть в своих организаторских усилиях по сколачиванию подвижной группы.

Вскоре у нас появилось новое соединение – 101-я танковая дивизия полковника Г. М. Михайлова. Людей в ней недоставало, танков она имела штук восемьдесят старых, со слабой броней, и семь тяжелых, нового образца. Во всяком случае, для нас это была большая поддержка.

Сам командир дивизии был храбрым офицером. Он заслужил на Халхин-Голе звание Героя Советского Союза. Беда его была в том, что привык действовать мелкими подразделениями. Так поступал он и теперь, в новых условиях, терпел неудачи, нес неоправданные потери. Это его раздражало. А раздражение – плохой советчик командиру любого ранга.

18 или 19 июля мы с Тарасовым заскочили на НП к Кириллову, который вел упорный бой с вражеской пехотой. Потом здесь немного затихло. На легковой машине к нам подъехали несколько командиров, и вдруг среди них я увидел знакомое – и дорогое – лицо.

– Камера!.. Иван Павлович, тебя ли вижу?...

На самом деле это был он, мой старый сослуживец времен конфликта на КВЖД, когда я водил в бои 5-ю отдельную Кубанскую кавбригаду, а он командовал в ней артдивизионом.

Замечательный командир-артиллерист, стойкий большевик (в Гражданскую войну был комиссаром!) и чудесный товарищ.

Встреча оказалась как нельзя ко времени. Узнав, что Камера является начальником артиллерии 19-й армии и потерял связь с этой армией, я предложил ему возглавить артиллерию нашей группы и помочь нам бить наседавшего врага. Иван Павлович охотно согласился и энергично взялся за дело. Я с облегчением вздохнул. Под Ярцево, как это было и в боях в районе Луцка, рассчитывать приходилось прежде всего на артиллерию – перед нами опять появились вражеские танки.

Обстановка на этом рубеже оказалась более серьезной, чем предполагали в штабе Западного фронта. Первый же бой помог установить, что в районе Ярцева находится не только выброшенный немцами десант, но и более внушительные силы. Обойдя Смоленск с севера, сюда провалилась 7-я танковая дивизия. Разведка и показания пленных засвидетельствовали, что начали прибывать моторизованные части из танковой группы врага, действовавшей на смоленском направлении.

Ярцево, как я уже писал, было захвачено противником. Форсировав Вопь, он овладел плацдармом на восточном берегу реки и старался – пока осторожно – продвинуться по шоссе

в сторону Вязьмы. Одновременно мы зафиксировали его активность в южном направлении, то есть в направлении переправ в тылу 16-й и 20-й армий.

Разобравшись в обстановке, я тогда примерно так представил себе намерения противника: сомкнуть кольцо окружения вокруг наших войск, воюющих в районе Смоленска, – сделать это противник намеревался на рубеже реки Вопь и южнее по Днепру, – а затем обеспечить себе условия для прорыва по автостраде к Москве.

На долю двух наших дивизий и выпала тяжелая задача сорвать эти намерения противостоявших нам вражеских сил.

Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева – Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замощья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надежно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцева по берегу реки Вопь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автострады.

Обо всем этом мной и было донесено командующему фронтом. Я, между прочим, доложил, что прибывающие на ярцевский рубеж по распоряжению фронта дивизии крайне малочисленны. В одной оказалось 260 человек, в другой и того меньше.

Огромным усилием всех офицеров, представлявших собою управление группы наших войск, в процессе непрерывных боев удалось в короткий срок организовать вначале сопротивление врагу, не допуская его продвижения на восток. А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке и нередко добиваясь успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это многое значило.

Кроме того, наша активность, видимо, озадачила вражеское командование. Оно встретило отпор там, где не ожидало его встретить; увидело, что наши части не только отбиваются, но и наступают (пусть не всегда удачно). Все это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас «признало», если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцева, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощь вражеского артиллерийского и минометного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю.

Бои под Ярцево, непрерывные и тяжелые для обеих борющихся сторон, мешали немецким войскам продвигаться к югу. Это был наш вклад в общую борьбу Западного фронта, целью которой являлось задержать врага, нанести ему наибольший урон и в то же время не допустить окружения армий, сражавшихся под Смоленском.

Сводный отряд полковника А. И. Лизюкова, оборонявший переправы на Днепре в тылу 16-й и 20-й армий, некоторое время действовал самостоятельно, а затем по логике событий был подчинен нашей группе войск.

Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами – на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд.

Сам полковник был из танкистов (перед войной служил заместителем командира 37-й танковой дивизии), и отряд его состоял из танкистов – это были остатки танкового и мотострелкового полков, принадлежавших 5-му мехкорпусу, о судьбе которого мне уже пришлось упоминать. У них сохранилось всего пятнадцать танков. Но люди были отборные, кадровые военные, крещенные боем, включая командиров полков Сахно и Шепелюка.

А. И. Лизюков особенно отличал майора Михаила Гордеевича Сахно. Бой роднит, и между ними, как я убедился, была настоящая фронтовая дружба. Командир сводного отряда говорил: «Майор Сахно – вот кто истинный герой обороны соловьевской переправы». (Между прочим, если вы хотите лучше узнать офицера, прислушайтесь к тому, что он говорит о своих подчиненных. Подлинный командир всегда сумеет оценить их вклад в общее дело трудной борьбы с врагом, воздать людям должное.)

Бои на ярцевском рубеже не прекращались в тот период ни днем ни ночью. Выполняя огромной важности задачу, наши части несли значительные потери. При пополнении же дивизий и формировании подразделений и частей мы испытывали большие трудности. На сборный пункт прибывали люди, принадлежавшие раньше к различным частям. Отставшие, потерявшие связь, они выбирались из окружения в одиночку и небольшими группами. Всех этих людей надо было сплотить в единый боевой коллектив. А сделать это было непросто, тем более что времени на это не давалось. Люди узнавали друг друга в бою. В сформированных подразделениях мы не всегда могли создать партийные организации. В этих условиях особая ответственность ложилась на офицеров – от командира взвода до командира дивизии.

От поведения командира зависело очень многое. Он должен был обладать большой силой воли и чувством ответственности, уметь преодолеть боязнь смерти, заставить себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела, для поддержания духа войск, даже если по занимаемому положению там ему не следовало бы появляться.

На ярцевском рубеже ценными были именно такие командиры. Им верили солдаты. Они вели за собой людей на выполнение самых тяжелых задач, на подвиг. Под их руководством подразделения и части крепились действительно не по дням, а по часам и дрались с врагом организованно и упорно, было ли то в наступлении, в обороне или при отступлении.

Я не сторонник напускной бравады и рисовки. Эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

В первые дни боев восточнее Ярцева наш НП находился на опушке леса. Примерно в километре от опушки располагалась в обороне стрелковая часть. Противник вел редкий артиллерийский огонь. Мы с генералом Камерой решили посмотреть, как окопалась пехота, и пошли к ней. Тут-то и развернулись события.

На наших глазах из-за гребня высот, удаленных километра на два, стали появляться густые цепи немецких солдат. Они шли в нашу сторону. Вслед за ними показалось до десятка танков.

Наша пехота не дрогнула и продолжала вести огонь из пулеметов по наступающим гитлеровцам. Подала голос и гаубичная артиллерия.

Генерал Камера сказал, что вот-вот на опушке развернется противотанковая 76-мм батарея для стрельбы прямой наводкой. Началось все неплохо.

Немецкая пехота залегла. Танки приостановили движение.

А вскоре на горизонте появилась вражеская авиация... Немецкие самолеты уже пикируют на наши окопы. Усилился огонь вражеских орудий и минометов. Снова двинулись танки, догоняя цепи уже поднявшихся автоматчиков. Самолеты, встав в круг, бомбят наши позиции. Пехотинцы не выдержали, дрогнули. Сначала побежали к лесу одиночки, затем целые группы. Трудно и больно было смотреть на них...

Но вот из толпы бегущих раздались громкие голоса самих же солдат:

– Стой! Куда бежишь? Назад!.. Не видишь – генералы стоят... Назад!..

Да, действительно, мы с Иваном Павловичем Камерой стояли во весь рост, на виду у всех, сознавая, что только этим можно спасти положение.

Солдатские голоса и наша выдержка оказали магическое действие. Бежавшие вернулись на свои места и дружным огнем заставили опять залечь пехоту противника, поднявшуюся было для атаки.

Наша батарея уже развернулась, открыла огонь прямой наводкой по танкам, подожгла несколько машин, остальные повернули назад. Наступление было отбито.

Не помню, кто мне рассказывал, вероятно, кто-то из бойцов. Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал еще в Первую империалистическую. Он-то и не потерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

– Команду подай!.. Кто команду даст?... Команда нужна!..

Бежал, бежал да сам как гаркнет:

– Стой! Ложись! Вон противник – огонь!

Я этого усака и сейчас представляю себе как живого.

А вот еще один пример. Дело было все там же, под Ярцево. Шел жаркий бой. Наступал противник, и наши части с трудом отражали его атаки. Особенно большую помощь им оказывала артиллерия. На моих глазах на гаубичную батарею обрушилась немецкая авиация.

Батарея огня не прекратила. Команды выполнялись четко. Командир батареи следил за небом. Видит – оторвавшиеся бомбы летят на позицию батареи, командует:

– В щели, ложись!

Только взорвались бомбы – и тут же команда:

– К орудиям!..

И огонь продолжался.

Батарея понесла некоторые потери, было повреждено одно орудие. Но артиллеристы блестяще выполнили свой долг.

Это был героизм солдат, возглавляемых достойным командиром. К большому сожалению, не помню фамилию командира батареи – годы стирают многое.

Я мог бы привести немало подобных примеров мужества и героизма целых подразделений и частей. В нашей группе войск шла добрая слава о мотострелковом полке, которым командовал подполковник Воробьев. Полк держал оборону на главной магистрали Москва – Минск. На эту часть и на ее командира мы полагались вполне.

...С каждым днем расширялся участок боевых действий. Противник вводил дополнительные силы. Прибывало войск и у нас. Управлять ими становилось все труднее. Мы по-прежнему со своим КП на колесах держались поближе к передовой. Иначе было нельзя. И штаб наш редел. За десять дней более половины штабных офицеров погибли или же получили тяжелые ранения. Однажды я чуть не лишился самого начальника штаба. Понадобилось срочно выехать на КП фронта, и я необдуманно предложил подполковнику Тарасову взять для поездки вместо «козла» ЗИС-101. А фашистские летчики гонялись за командирскими машинами, не жалея времени, пуль и бомб. Сергей Павлович попал в переплет, попробовал укрыться в придорожном сарае. Немецкий летчик прошел крышу очередями, сбросил зажигательные бомбы. Все обрушилось, и только физическая закалка помогла начальнику штаба выбраться из этого пекла. Он вернулся обожженный, злой и взялся за свои дела как ни в чем не бывало (замечу сразу: этот замечательный человек впоследствии командовал дивизией, получил звание генерал-майора).

Как-то на рассвете – это было в конце июля – мне доложили, что прибыл какой-то генерал и просит разрешения представиться. Выбравшись из легковой машины, где я спал, встретился с товарищем. Это был командир 7-го мехкорпуса В. И. Виноградов. Он прибыл в мое распоряжение вместе со своим штабом.

Штаб был в полном составе, со всеми отделами, прилично экипирован. Имелись радиостанции, штабные машины, оборудование и все, что положено для нормальной работы и управления крупным соединением. Возглавлял штаб полковник М. С. Малинин.

Познакомились накоротке. Поручил Малинину выбрать место для командного пункта, а сам занялся другими делами.

Новый начальник штаба обратился к Тарасову:

– Когда приступим к сдаче-приему дел?

Тарасов изумился:

– Каких дел? – и вынул из планшета блокнот – всю свою канцелярию.

Пора штабных импровизаций миновала. Все стало по-другому, и я это почувствовал следующим же утром с мелочи. Подъезжает на мотоцикле девушка-красноармеец.

– В чем дело?

– Завтрак товарищу командующему.

– Откуда?

– Из штаба.

До этого командующий группой войск, как и все, спал под сосной или в машине, ел из солдатского котелка. Вилка и свежая салфетка показались вещами из другого мира.

Некоторое недовольство у меня сначала вызвало то, что Малинин, на мой взгляд, далеко отнес от переднего края наш КП (километров на восемь или десять). Поскольку я сам поручил ему выбрать место, пришлось смириться, но от замечания я все-таки не удержался.

– Не слишком ли глубоко мы забрались от фронта? Пожалуй, тут забудешь, что идет война...

Полковник взглянул на меня с удивлением, но дисциплинированно смолчал.

Зародившийся было в связи с этим случаем холодок быстро исчез. Вскоре я убедился, что КП находится там, где нужно: бои принимали затяжной характер. В общем, Михаил Сергеевич Малинин с первых же дней показал себя умницей, опытным и энергичным организатором. Мы с ним сработались, а впоследствии хорошо, по-фронтовому, сдружились.

Был создан настоящий командный пункт, наблюдательные пункты на переднем крае, быстро установлена проводная связь с войсками.

Опытному глазу сразу было заметно, что в руках полковника Малинина сколоченный, исполнительный и быстро реагирующий на все, что делается в войсках, штабной коллектив. Властная натура руководителя штаба порою охлаждала инициативу подчиненных, но потом это прошло, стерлось... Впрочем, к этому будет время вернуться.

Хорошее впечатление произвел на меня начальник артиллерии 7-го мехкорпуса генерал-майор Василий Иванович Казаков. Он сразу отправился на огневые позиции – по-хозяйски оценить, что у нас и где имеется, каковы кадры. Короче говоря, генерал отдался делу, освободив И. П. Камеру, которого требовала Москва. Вскоре стало известно, что Камера, так много сделавший на ярьевских рубежах, назначен начальником артиллерии Западного фронта. Рад был за товарища, получившего достойное поле деятельности.

Генерал Виноградов, назначенный ко мне заместителем, вскоре тоже был отозван от нас.

К концу июля положение войск нашей группы значительно упрочилось: не говорю уже о том, что мне лично стало легче, когда получил полнокровный аппарат управления. Командование фронта подкрепило нас несколькими танковыми батальонами. Московская партийная организация прислала батальон коммунистов. Удалось выкроить время и приветствовать этот отряд. Немецкие летчики как будто узнали о его прибытии: на нас посыпались бомбы. Быстро рассредоточили людей в лесу, а когда закончился налет, продолжили нашу беседу. В заключение я сказал, что скоро товарищи получат возможность рассчитаться с врагом. Так оно и вышло.

Собрав все, что можно, на участок Ярцева, мы нанесли удар. Противник его не ожидал: накануне он сам наступал, был отбит и не предполагал, что мы после тяжелого оборонительного боя способны двинуться вперед. Элемент неожиданности мы и хотели использовать. Ударили в основном силами 38-й стрелковой и 101-й танковой дивизий, придав им артиллерию и танки, в том числе десять тяжелых – КВ. В результате наши части овладели Ярцево, форсировали Вопь и захватили на западном ее берегу очень выгодные позиции, на которых и закрепились, отбив все контратаки.

Опять был очень хорош мотострелковый полк Воробьева, порадовал взаимодействием с танками. Получил боевое крещение батальон московских коммунистов. Товарищи с гордостью говорили, что «открыли боевой счет», но откровенно обеспокоены господством вражеской авиации. «Старожилы» ярцевского рубежа уже к этому привыкли, насколько возможно притерпелись, а свежим людям, впервые попавшим на фронт, было трудно.

В бою за овладение Ярцево самыми чувствительными для нас были удары с воздуха. И то, что мы, несмотря на это, добились успеха, говорило о мужестве и героизме войск, еще недавно потерявших было должную организацию.

Впервые мне тогда удалось увидеть, как наши 37-мм зенитные батареи сбили три пикирующих бомбардировщика, заставив этим другие неприятельские самолеты набрать высоту. А то они совсем уж обнаглели, нападая даже на отдельные машины. Часто немецкие летчики вместо бомб сбрасывали продырявленные бочки из-под бензина, издававшие при падении свист и вой. Это уже походило на хулиганство.

Ведя активные действия на ярцевском участке, мы не могли ни на минуту упускать из виду, что делается южнее, в районе переправ. Директивой Западного фронта от 27 июля нашей группе войск была поставлена задача: удержать Ярцево и не допустить прорыва противника на Вязьму. Это было главным, тем не менее я с облегчением вздохнул, когда удалось подкрепить полковника Лизюкова, послав ему противотанковый дивизион 108-й стрелковой дивизии с пулеметной ротой. Сюда же вскоре мы направили другие части и весь участок подчинили командиру 44-го стрелкового корпуса В. А. Юшкевичу (он был тогда еще в звании комдива). Теперь можно было считать, что это направление прочно обеспечено.

Обстановка в районе Смоленска все более осложнялась, и не только для наших войск, но и для противника. Все-таки становилось ясным, что немцы завязли в Смоленском сражении. Если смотреть на вещи в развитии, то гитлеровский план «молниеносной войны» затрещал. Затрещал, по существу, в самом начале войны.

В конце июля немецкое командование опять прилагало все силы, чтобы выполнить задачу окружения наших армий. По данным разведки и опроса захваченных в боях за Ярцево пленных, стало известно, что готовится новое наступление с целью во что бы то ни стало отрезать пути возможного отхода 16-й и 20-й армий. Для этого противная сторона намеревалась силами 7-й и 20-й танковых дивизий нанести удар по обороне наших войск в районе Ярцева.

Эти сведения помогли нам своевременно принять надлежащие меры противодействия. И успеха противник не добился. Он понес большие потери в танках и живой силе, а смог лишь незначительно потеснить на некоторых участках наши части. Его наступление последних чисел июля захлебнулось. Решающую роль сыграла артиллерия, умело организованная в этом бою генералом В. И. Казаковым.

Танки КВ произвели на врага ошеломляющее впечатление. Они выдержали огонь орудий, которыми были вооружены в то время немецкие танки. Но машины, вернувшиеся из боя, выглядели тоже не лучшим образом: в броне появились вмятины, у некоторых орудий были пробиты стволы. Хорошо показали себя танки БТ-7: пользуясь своей быстроходностью, они рассеивали и обращали в бегство неприятельскую пехоту. Однако много этих машин мы потеряли – они горели как факелы.

Если немцы увидели такую новую нашу технику, как КВ, то и мы кое-что у них обнаружили, а именно – новые образцы противотанковых ружей, пули которых прошивали наши танки старых типов. Провели испытание, убедились, что специальными пулями из этих ружей пробивается и бортовая броня Т-34. Захваченную новинку срочно отправили в Москву.

Еще в начале боев меня беспокоило, почему наша пехота, находясь в обороне, почти не ведет ружейного огня по наступающему противнику. Врага отражали обычно хорошо организованным артиллерийским огнем. Ну а пехота? Дал задание группе товарищей изучить обстоятельства дела и в то же время решил лично проверить систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков.

Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячейной системе. Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но увы! Война показала другое...

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячейной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времен Первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему.

Начался август. Смоленск был занят неприятелем. Всякие попытки выбить его из города были бы бесцельными. Маршал С. К. Тимошенко отдал приказ об отходе. Войска 16-й и 20-й армий благополучно отошли за Днепр по соловьевской и ратчиновской переправам и были использованы для усиления обороны на рубеже Холм-Жирковский, Ярцево, Ельня. Наша группа содействовала частям генералов Лукина и Курочкина, перейдя в наступление под Ярцево и южнее.

Немецко-фашистское командование, нанося удары войсками группы армий «Центр» (2-я, 9-я армии и две танковые группы), было уверено, что операция закончится окружением и уничтожением в районе Смоленска основных сил Западного фронта. Эта затея провалилась. Враг встретил на московском стратегическом направлении не пустоту, как предполагал, а вновь созданную прочную оборону. Для ее преодоления гитлеровцам потребовались и дополнительные войска, и необходимое на подготовку время.

Командующий фронтом вызвал меня и сказал:

– Поедем к героям Смоленска... примешь шестнадцатую армию.

Поехали почему-то к П. А. Курочкину. Вскоре прояснилось, в чем дело: командующего 20-й армией отзывала Москва, М. Ф. Лукина назначали на его место.

Березняк у деревни Васильки. Палатка командарма. Бревенчатый стол. И – тихое небо. Война словно примолкла. Подъехала машина, из нее почти вынесли Лукина. Его ранило во время бомбового удара на переправе, где он, спасая людей, наводил порядок.

Мы знали друг друга еще с 30-х годов, когда Михаил Федорович был начальником командного отдела Главного управления кадров Красной Армии. Старый воин, опытный и хорошо подготовленный военачальник, справедливый товарищ.

И вот мы встретились на войне. В этот момент он и сказал мне, как бы подводя итог тому, что смог сделать, и тому, чего не смог:

– Шестнадцатую армию не разбили, ее растащили...

Рядом с ним неназойливо хлопотал, усаживая раненого командира, невысокий плотный дивизионный комиссар с круглым спокойным лицом крестьянина. Лукин познакомил:

– Лобачев, член Военного совета. – Улучив минуту, прибавил: – Фурмановской складки мужик.

Командующий фронтом поздравил товарищей Лукина, Курочкина, Лобачева с награждением орденом Красного Знамени. Он высказал мнение, что в тяжелых боях войска Западного фронта совершенно расстроили наступление противника, соединения его понесли потери и лишены наступательной способности минимум на десять дней. Тут же маршал уже официально сообщил о перестановках в руководстве, спросил, у кого имеются просьбы. Я предложил назначить начальником штаба полковника Малинина, а начальником артиллерии генерала Казакова, тем более что фактически произошло объединение войск нашей группы с войсками 16-й армии.

После объединения армия представляла внушительную силу: шесть дивизий – 101-я танковая полковника Г. М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А. И. Лизюков, 38-я полковника М. Г. Кириллова, 152-я полковника П. Н. Чернышева, 64-я полковника А. С. Грязнова, 108-я полковника Н. И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск – Вязьма.

Некоторое время спустя противник все же предпринял попытку прорвать оборону на ярцевском направлении. Решил, по-видимому, прощупать ее устойчивость. Ему это не принесло ничего, кроме значительных потерь. Бой шел напряженный, длился два дня, затем активность немцев иссякла.

Впервые на нашем участке действовала батарея реактивной артиллерии, так называемые «катюши». Она накрыла наступавшую немецкую пехоту с танками. Мы вылезли из окопов и, стоя в рост, наблюдали эффектное зрелище. Да и все бойцы высыпали из окопов и с энтузиазмом встречали залпы «катюш», видя бегство врага.

Огонь этого оружия по открытым живым целям страшен. По окопавшейся пехоте он менее эффективен, так как для поражения цели требуется прямое попадание в окоп, а «катюши» в основном вели огонь по площадям с большим рассеиванием снарядов. Эту особенность в дальнейшем мы учитывали. И еще с одной особенностью пришлось столкнуться. Вначале применение реактивных установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что, бывало, хоть отказывайся от использования. Многие командиры-артиллеристы поговаривали, что с этими «катюшами» приходится возиться, как с капризной женщиной. Я был вынужден на свой риск внести некоторые упрощения. При умелом использовании реактивные установки давали хорошие результаты.

Армия постепенно оснащалась артиллерийскими средствами, и это позволяло танкам врага, в которых он нас превосходил, противопоставить нашу артиллерию. Она выручала войска. Артиллеристов у нас в стрелковых частях уважали и любили. К тому же вражеская тактика применения танков была достаточно изучена.

Вот против немецкой авиации мы ничего придумать не могли. Оставалась опять же артиллерия – 37-мм орудия, но их было очень мало, и они могли поражать самолеты только на небольшой высоте.

Пополнялись наши части по необходимости за счет выбиравшихся из окружения. Приток людей, шедших с запада на восток – к своим! – не останавливался: кто шел от самой границы, кто из-под Минска... Многие офицеры – я к ним относился с особенным уважением – выводили свои группы с оружием, прорывались с боем. Но сколько бойцов и командиров выходили безоружными!

Всех их необходимо было вооружить. А чем? Из тыла мы в те дни получали мало.

Кто-то – чуть ли не Алексей Андреевич Лобачев – подал мысль: если окруженцы смогли целыми группами проходить через линию фронта и по территории, занимаемой противником, то и мы в состоянии заслат в тыл врага разведчиков и поискать оружие на полях минувших боев. Попробовали. Опыт оказался очень удачным, и в течение продолжительного времени мы таким путем добывали из-под носа у немцев, что было нужно. Группы смельчаков – в их числе и товарищи, вышедшие из окружения и знавшие, где пройти, – приносили винтовки, автоматы, пулеметы, минометы, вывозили даже 45-мм орудия, не говоря уж о боеприпасах, в которых мы тоже остро нуждались.

Так мы тогда жили... Тем не менее, повторяю, 16-я армия представляла уже внушительную силу. Сражалась она все более стойко.

И противник, понеся большие потери при наступлении, перешел к обороне. К половине августа разведка установила, что немцы усиленно укрепляют рубеж вдоль западного берега реки Вопь. В захваченных приказах и других документах 9-й немецкой армии мы читали об интенсивных работах по всей линии обороны.

Заговорила о нас столица. В сводках Совинформбюро часто упоминалась ярцевская группа войск, а затем 16-я армия. К нам стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций, бывали партийные работники и политические деятели, зачастили писатели, корреспонденты, и артисты выступали в частях. Дорогие и прочные связи!..

Как-то позвонили из Генерального штаба – встречайте английскую военную делегацию (ее возглавлял генерал, представлявший вооруженные силы Великобритании при нашем Генштабе). Я находился на левом фланге, в районе соловьевской переправы, и, честно говоря, мне тогда было не до визитеров. Принять гостей поручили Михаилу Сергеевичу Малинину, он организовал встречу на КП полковника Кириллова, в 38-й стрелковой дивизии. Прошла она в вежливом дипломатическом духе и, как рассказывали Малинин и Лобачев, довольно тепло. Англичане выпили по нескольку наших фронтовых норм «хорошей русской водки» и не скупились на хвалебные тосты в честь Красной Армии.

Во второй половине августа наш сосед справа – 19-я армия, которой командовал генерал И. С. Конев, – провел наступательную операцию. Она оказалась неожиданной для противника и имела некоторый успех местного значения. Но немцы были еще достаточно сильны, их оборону прорвать не удалось. После этого войска Западного фронта продолжали наступательные операции только в районе Ельни, куда противник проник частью сил во время его июльского наступления.

16-я армия, удерживая свой рубеж, вела силовую разведку и время от времени переходила на отдельных участках в наступление. Действия противостоявших вражеских войск носили примерно такой же характер. Велось взаимное прощупывание сил. Нам удалось уста-

новить, что танковые и моторизованные дивизии, с которыми мы еще недавно боролись, отведены в тыл, их место заняла немецкая пехота.

Командный пункт армии был заботами Малинина оборудован заново, в густом лесу, хорошо замаскирован. Из палаток мы перешли в блиндажи. Сыровато. В палатках жилось свободнее, просторнее, и воздух свежее. Но в общем устроились солидно. И работали дружно. Здесь, под Ярцево, я с радостным чувством увидел, что складывается у нас интересный, весьма работоспособный коллектив руководителей. А это так важно! Когда военачальник готовит введенные ему войска в дни мира, он имеет время для подбора и отбора кадров, для их воспитания, для притирки характеров. А тут нас сближала война. Член Военного совета А. А. Лобачев не раз говорил, что наш коллектив быстро сплотился потому, что каждый уже узнал, почем фунт лиха. Офицеры штаба 16-й армии проявили себя в сложных и динамических обстоятельствах конца июля и начала августа с лучшей стороны. Я имею в виду прежде всего начальника штаба М. С. Малинина, начальника артиллерии армии В. И. Казакова, главу наших связистов П. Я. Максименко (полковник был уже в летах, настоящий виртуоз своего дела), начальника бронетанковых и механизированных войск Г. Н. Орла.

У каждого руководителя своя манера, свой стиль работы с ближайшими сотрудниками. Стандарта в этом тонком деле не изобретешь. Мы старались создать благоприятную рабочую атмосферу, исключая отношения, построенные по правилу «как прикажете», исключая ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего. В этом духе мое поколение красных офицеров воспитывала партия...

Нашим центральным рабочим местом была, как мы называли, штаб-квартира. Здесь я присутствовал при докладах, которые делали Малинину начальники разведки, оперативного отдела, связи. В то же время и Малинин слушал, когда мне докладывали руководители родов войск. Здесь же был и член Военного совета. При мне чаще всего велись разговоры с направленцами, с командирами соединений и частей усиления. Такая система позволяла мне, как говорится, вращаться в обстановку. В штаб-квартире обдумывались решения, составлялись приказы и распоряжения. Все это облегчало работу, развивало полезную инициативу, побуждало творческую мысль. Больше было счастливых находок.

Можно было не сомневаться, что педантичный, спокойный, уверенный в себе и в своих подчиненных начальник штаба М. С. Малинин сумеет обеспечить выполнение приказа. Была у Малинина еще одна черта, может быть, необычная для руководителя крупного штаба, – потребность своими глазами увидеть и оценить местность предстоящих боев. Должно быть, это было у него способом самоконтроля. Он довольно часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это тоже повышало авторитет нашего штаба.

Мне нравилось, что мои помощники, люди образованные и влюбленные в военное дело, умели отстаивать свое мнение. Приходилось иногда подумать над предложением. Прикинешь и скажешь: «Правильно, я упустил, давайте сделаем тут по-вашему...»

Ценнейшим человеком оказался генерал Василий Иванович Казаков. Я уже упоминал, что в те времена мы главные наши надежды возлагали на артиллерию. У генерала были и глубокие знания, и интуиция, и умение работать с людьми. Вот уж кого любили в войсках!

Для наблюдения за противником мы чаще всего пользовались НП на участках стрелковых дивизий. Но один наблюдательный пункт, оборудованный артиллеристами, особенно привлекал. Казаков и его офицеры устроились на верхнем этаже и на трубе ярцевской фабрики: уж очень хороший обзор местности открывался оттуда. Неприятельские позиции просматривались на большую глубину, было видно всякое передвижение врага.

Единственное неудобство: чтобы добраться туда, нужно было проскочить низинку свыше километра, тщательно пристрелянную немецкой артиллерией. Как только появлялась достойная внимания цель, немцы немедленно открывали огонь, да еще какой!..

Одиночная машина, мчащаяся на предельной скорости, и была такой целью.

Все происходило на глазах как немецких, так и наших солдат, располагавшихся в окопах. Это обстоятельство вызывало даже известный азарт, пожалуй, непохвальный для столь солидных командиров, как командующий армией и начальник артиллерии. Но мы с увлечением каждый раз проскакивали на машине обстреливаемое пространство.

За низинкой начиналась городская окраина. Там уже приходилось соблюдать полную осторожность. Пробирались скрытно, кое-где и ползком, к наблюдательному пункту наших славных артиллеристов. Город обезлюдел. В нем царила мертвая тишина, нарушаемая лишь разрывами снарядов и мин. Известная ярцевская мануфактура была сожжена гитлеровской авиацией.

Возвращались уже затемно.

Всю ночь над нашим КП слышался гул немецких бомбардировщиков. Они шли на Москву, и это вызывало злость, которая усиливалась чувством беспомощности: мы ничем не могли помешать их налетам на родную столицу.

Зато с какой радостью уже днем мы узнавали, что герои московской ПВО рассеяли вражеские бомбардировщики, не дали им прорваться к самому городу!

Район обороны нашей армии немецкие летчики в то время не беспокоили. Запомнился мне лишь один случай, вызвавший вначале большую тревогу.

То там, то тут самолеты противника стали сбрасывать кульки из плотной бумаги. В них были обнаружены мельчайшие насекомые. Отдано распоряжение тщательно следить за каждым вражеским самолетом, собирать и на месте сжигать подозрительные пакеты. Несколько штук с соблюдением всех предосторожностей отправили на проверку в Москву.

Москва тоже встревожилась. Там начали производить анализы. А с неба продолжали сыпаться кульки, некоторые лопались, их содержимое расплзлось. Мы не успевали производить дезинфекцию.

Вскоре из Москвы получили результаты анализов: ничего опасного. Гитлеровцы просто хотели поиграть на наших нервах.

Мы вели бои местного значения, совершенствовали оборону и обучали людей тому, что завтра от них потребуется в бою. Маршал Тимошенко горячо приветствовал наше начинание – месячные курсы младших лейтенантов, на которые мы отобрали отличившихся бойцов со средним, а то и с высшим образованием. Партийные и комсомольские организации помогали всячески распространять опыт борьбы с танками с помощью бутылок с горючей смесью. Потрясение от неудач первых дней войны начало проходить. Однажды, зайдя в нашу землянку, я услышал, как Лобачев настраивал начальника политотдела одной из дивизий:

– Для военных война – естественное состояние, ее невзгоды тоже, а у тебя все нервы, пора с этим кончать.

Он верно схватил суть совершавшихся перемен.

Считаю своим товарищеским долгом сказать доброе слово о генерале Алексее Андреевиче Лобачеве. Мы с членом Военного совета армии жили душа в душу. Он любил войска, знал людей, и от него я всегда получал большую помощь. Таков был этот человек, что ощущалась потребность общения с ним. Мы жили в одной землянке, позже обычно выбирали домик, где можно устроиться вдвоем. Когда вместе с другими корреспондентами у нас стал бывать Владимир Ставский – тоже крепкий большевик, интересный писатель, не чуждый военному делу, – мы жили втроем. Бывали душевные часы!..

Ко времени нашего знакомства и совместной службы А. А. Лобачев сложился как политический работник крупного масштаба. Однако крутой ему выдался путь. Бывает, что в судьбе одного человека отразится особенность времени.

Война – суровая проверка людей. Так было и так всегда будет. Но этот естественный процесс у нас очень осложнился. Незадолго до войны огромное количество командиров и политработников были выдвинуты снизу на крупные должности в войсках. А опыт? Знания? Ори-

ентировка в масштабах, о которых товарищи и не мечтали? Все это пришлось приобретать уже в боях. Лобачев рассказывал мне, как он, старший политрук, чуть ли не в течение месяца стал дивизионным комиссаром; в 39-м был поставлен во главе политического управления Московского военного округа. Он считал за счастье, что весь 1940 год ему довелось служить на одном месте, в должности члена Военного совета в новой – 16-й армии, создававшейся в Забайкалье, и с горячей признательностью отзывался о ее командующем. И все-таки ему приходилось очень трудно. Помогли живой ум, организаторский талант и большевистское умение учиться у жизни.

В сентябре генерал И. С. Конев был назначен командующим Западным фронтом. 19-ю армию от него принял М. Ф. Лукин, а в командование 20-й армией вступил генерал Ф. А. Ершаков.

Успешно завершилась к этому времени операция в районе Ельни. Под ударами советских войск противник был отброшен на запад. На нашем участке, равно как и у соседей, никаких изменений не произошло. Штабы всех трех армий держали друг с другом прочную связь, отработали взаимодействие на стыках.

С Лукиным в это время особенно сблизился. Он еще двигался с трудом, и мы с Лобачевым часто навещали его на КП 19-й армии. Встречаясь неоднократно, мы обсуждали вопросы, связанные с положением войск обеих армий. Выработалась уверенность, что врагу не удастся прорваться через наши рубежи. Стыки надежно прикрыты. Обдумана и отработана взаимная помощь при ликвидации прорыва вражеских сил на каком-либо участке.

Во второй половине сентября штаб тщательно разработал план действий войск армии на занятом ею рубеже. Мероприятия, предусмотренные в нем, обеспечивали решительный отпор противнику. В то же время имелся вариант на случай, если, несмотря на все наши усилия, противнику все же удастся прорвать оборону. Этот вариант определял, как должны отходить войска, нанося врагу максимальный урон и всемерно задерживая его продвижение. Мысли, руководившие нами: враг еще намного сильнее нас, маневреннее, он все еще удерживает инициативу, поэтому нужно быть готовым и к осложнениям.

Этот план был представлен командующему Западным фронтом И. С. Коневу. Он утвердил первую часть плана, относившуюся к обороне, и отклонил вторую его часть, предусматривавшую порядок вынужденного отхода.

Тишина на нашем участке, да и у соседей, начала нас настораживать. Чтото немцы затевали. Возможности армии не позволяли разгадать намерения врага. Разведка, которую мы вели войсковыми средствами, подтверждала, что перед нами по-прежнему находятся только пехотные части. Никаких особо важных данных из штаба фронта тоже не поступало.

Вообще информация командующих армиями была организована тогда очень плохо. Мы, собственно, не знали, что происходит в пределах фронта, а за его пределами и подавно. Это мешало.

Приехал к нам с группой офицеров Михаил Федорович Лукин. Артисты московской эстрады давали свой первый концерт на полянке близ штаба армии. Декорациями служил пожелтевший лес.

Концерт был очень хороший. Все аплодировали с удовольствием и благодарностью.

Песни песнями, но, пользуясь случаем, мы уединились с Лукиным и поговорили о поведении противника, вызывавшем настороженность. Решили провести силовую разведку.

На следующий день это осуществили.

В бою взяли пленных. Они показали, что у них в тылу на ярцевском направлении появились какие-то танковые и моторизованные части.

Мы приняли меры усиления, особенно в дивизиях, седлавших главную магистраль Вязьма – Смоленск.

В. И. Казаков организовал контрартиллерийскую подготовку, в которой участвовал и дивизион «катюш».

Ночь на 2 октября. Наблюдатели с переднего края и разведгруппы сообщали: со стороны противника явно слышен шум танковых моторов.

А с рассветом началось немецкое наступление на нашем центральном участке, где мы и ожидали удар.

Впервые за все время вражеская авиация бомбила расположение нашего КП, не причинив, правда, большого вреда.

Находясь на наблюдательном пункте, мы видели, как почти одновременно с открытием артиллерийского и минометного огня двинулись немецкие танки, а вслед за ними поднялась пехота. Но тут же ответили все орудия, предназначенные для контрартиллерийской подготовки. Били прямой наводкой противотанковые батареи. «Катюши» – уже целым полком – обрушили свои залпы на неприятельских солдат, вылезших из окопов.

Наша пехота не дрогнула. Она достойно встретила огнем атаковавшие ее густые цепи. На некоторых участках дело дошло до рукопашных схваток.

Бой продолжался до двенадцати часов дня.

Противник, понеся большие потери в людях и технике, не добился успеха. 16-я армия отстояла свои позиции.

После полудня завязались напряженные бои у Лукина. Противник несколько потеснил на правом крыле 19-й армии ее части, но командующий говорил мне, что надеется своими силами восстановить положение.

Весь следующий день враг держал под сильным огнем наш участок обороны, не предпринимая наступления. Группы самолетов бомбили позиции батарей и вели усиленную разведку дорог в сторону Вязьмы.

Сообщения из 19-й армии к вечеру 3 октября стали тревожнее. Командарм говорил по телефону:

– Вынужден загнуть свой правый фланг и повернуть фронтом на север... Связи с соседом – 30-й армией – не имею.

Лукин просил помочь, и мы направили ему две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артполк.

У нашего соседа слева генерала Ершакова было спокойно.

Из штаба фронта никаких тревожных сигналов не поступало.

А между тем гроза надвигалась. Вскоре она разразилась при обстоятельствах абсолютно неожиданных.

Комментарий Ариадны Рокоссовской

Письмо от 27 июля 1941 года:

«Дорогие, милые Lili и Адуся! Пишу вам письмо за письмом, не будучи уверенным, получите ли вы его. Все меры принял к розыску вас. Неоднократно нападал на след, но, увы, вы опять исчезали. Сейчас, как будто, окончательно нашел вас. Сколько скитаний и невзгод перенесли вы. Воображаю всю прелесть пережитого вами. Но ничего, вы живы, здоровы, остальное уладится. Беспокоюсь, получаете ли вы содержание. В чем вы уехали из дома, и что удалось вам захватить с собой – не знаю. Боюсь, что вы, бедняжки, остались, в чем мать родила. Я по-прежнему здоров и бодр. Дерусь как тигр и с каждым днем проникаюсь все большей ненавистью к врагу. Все мои мысли направлены на то, чтобы причинить ему как можно больше вреда и стереть его в порошок. Верь мне, Lili, скоро уже наступит момент, когда наш удар всей тяжестью накопившей ненависти обрушится на проклятого врага и раздавит его. Я в это верю и уже предвкушаю час победы. Никакая пуля, бомба и снаряд меня не берут. Нахожусь в своей стихии. Я воюю неплохо, и за меня можете не краснеть. Ваш Костя старый воин, немцев бил не раз и бить их будет до полной над ними победы. По вас скучаю и много о вас думаю. Часто вижу вас во сне. Верю, верю, что вас увижу, прижму к своей груди и крепко-крепко расцелую. Пишу письмо под пальбу пушек и разрывы бомб. Фашистские воздушные пираты стаями назойливо кружатся над нами. К ним мы уже привыкли и чихать на них хотим.

Был в Москве. За двадцать дней первый раз поспал раздетым в постели. Принял холодную ванну – горячей воды не было. Ну вот, мои милые, дорогие, пока все. Надеюсь, что связь установим. До свидания, целую вас бесконечное количество раз, ваш и безумно любящий вас Костя. Живите дружно и оберегайте друг друга.

Милая Адуся, из уважения к папе береги, люби и уважай маму. Если обстоятельства позволят – учись. Изучай одновременно и военное дело. Будь в полном смысле слова амазонкой и до возвращения папы маму не покидай. Целую тебя, дочурка, крепко, любящий тебя папа. Милый Lulusik, тебя также целую бесконечное количество раз. Костя».

«Впервые поспал раздетым в постели» – это не преувеличение. Во время боев на смоленском направлении прадед действительно спал в своем легковом автомобиле ЗИС-101. Нормальный быт был налажен только с прибытием в распоряжение Рокоссовского штаба 7 МК во главе с М. С. Малининым. И уже после войны, рассказывая знакомым про тот первый завтрак от нового начальника штаба, прадед добавлял: «И тут я понял, что мы сработаемся». Но чтобы сработаться с прадедом, нужно было привыкнуть к его стилю работы. Во-первых, он обращался к окружающим, в том числе, подчиненным, по имени-отчеству, и требовал от них того же, а во-вторых, у него были свои представления о том, как должен выглядеть офицер.

Генерал Орел вспоминал первую встречу с Рокоссовским: «Время было трудное: отступление, бои и снова отступление. Потери. Настроение, прямо признаюсь, неважное. Было нам тогда не до белоснежных воротничков, надраенных пуговиц, гуталина и прочих, как мы считали, тыловых штучек. Вдруг появился в штабе армии высокий, красивый, моложавый генерал, начищенный, отутюженный, словно на бал собрался. Скажу по совести, сразу нам это показалось наигранным, не ко времени и не к месту. Прошло несколько дней, и не только мы, офицеры штаба, но и командиры частей стали подтянутей, опрятней. Мелочи? Ан нет. В этом была не показуха, не фарс, а стиль нового командующего армией. Война войной, ты командир, и будь добр, держись!» Позже и Верховный Главнокомандующий, который был прекрасным психологом, взял за правило обращаться к Рокоссовскому по имени и отчеству. Кроме прадеда этой чести Сталин удостоивал только маршала Шапошникова.

Неожиданный приказ

Вечером 5 октября я получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф. А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления.

Все это было совершенно непонятно. Севернее нас, в частности у генерала Лукина, обстановка складывалась тяжелая, каковы события на левом крыле фронта и южнее, неизвестно...

Тут были товарищи Лобачев, Казаков, Малинин, Орел. У них, как и у меня, телеграмма эта вызвала подозрения. Помню возглас начальника штаба:

– Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!

Я потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом.

Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И. С. Конева и члена Военного совета Н. А. Булганина.

Сомнения отпали. Но ясности не прибавилось.

Уже прибыли приемщики от 20-й армии. Сборы были короткими. Наш штаб двинулся к новому месту назначения, и все мы чувствовали, что произошли какие-то грозные события, а у нас в этот тревожный момент – ни войск, ни уверенности, что найдем войска там, куда нас посылают.

Попытки связаться по радио со штабом фронта были безуспешны. Мы оказались в какой-то пустоте и в весьма глупом положении.

Нужно было самим постараться выяснить обстановку, что и делалось с помощью разведки в разных направлениях.

Насторожила картина, которую увидели, подходя к Днепру восточнее Ярцева. Брошенные позиции. В окопах ни одного человека. Мы знали, что в тылу за нашей армией располагалась по Днепру одна из армий Резервного фронта. Где она и что здесь произошло, трудно было догадаться.

На пути к Вязьме стали попадаться машины различных тыловых частей 30-й и 22-й армий. Красноармейцы в один голос говорили, что немецкие парашютисты разбили их подразделения, а им удалось прорваться и они теперь ищут своих. На дороге все чаще обгоняли группы беженцев с пожитками на повозках.

Рассказы людей и данные разведчиков несколько прояснили положение вещей. Видимо, танковым и моторизованным войскам врага удалось прорваться в полосу 19-й и 30-й армий и довольно глубоко проникнуть на восток. Беженцы называли Сычевку, Пигулино, Холм-Жирковский и другие селения, утверждая, что там будто бы уже большие силы немцев, много танков и т. п. Все эти пункты находились севернее магистрали Ярцево – Вязьма. Напрашивался вывод, что это, вероятно, один из клиньев, вбитых противником, и нужно ожидать, что он будет повернут для перехвата автострады и создания внутреннего кольца окружения наших войск.

Никаких частей мы не встречали. Связаться со штабом фронта все не удавалось. Ощущение оторванности было гнетущим. Крайне беспокоил вопрос, что происходит южнее магистрали. Мы с Калининым остановились у стога сена в ожидании разведанных. Лобачев, захватив нескольких офицеров, поехал вперед. Прошло не более часа, и он вернулся, опустился рядом с нами на сено:

– Встретил на перекрестке Василия Даниловича Соколовского. В Касне уже никого нет. А наша задача, он сказал, остается прежней.

По мнению Лобачева, начальник штаба фронта в это время сам точно не знал, что где происходит.

Разведчики все еще не обнаружили каких-либо войск в районе Вязьмы. Где они находятся, эти обещанные в приказе И. С. Конева дивизии? С этой мыслью я ехал к месту расположения нового нашего КП.

Мы нашли его почти готовым. Заработали радисты. Штаб фронта молчал, должно быть находясь в движении, не успел развернуть свои радиосредства.

Не смогли радисты связаться и с какими-либо частями.

Поручив Малинину разыскивать войска и добиваться связи с фронтом или Ставкой, мы с Лобачевым отправились в город.

Начальник гарнизона генерал И. С. Никитин доложил:

– В Вязьме никаких войск нет, и в окрестностях тоже. Имею только милицию. В городе тревожно, распространяются слухи, что с юга и юго-востока из Юхнова идут немецкие танки.

– Где местная советская и партийная власть?

– В соборе. Там все областное руководство.

Собор стоял на высоком холме, поднимаясь над Вязьмой подобно древней крепости. В его подвале мы действительно нашли секретаря Смоленского обкома партии Д. М. Попова, вокруг него собрались товарищи из Смоленского и Вяземского городских комитетов партии. Здесь же был начальник политуправления Западного фронта Д. А. Лестев. Он обрадованно помахал рукой:

– Все в порядке, товарищи. Знакомьтесь с командующим...

К сожалению, пришлось их огорчить. Командующийто есть, да командовать ему нечем. Я попросил генерала Никитина доложить партийному руководству все имеющиеся у него сведения о войсках и положении в районе Вязьмы. Лестев был крайне удивлен.

– Как же так? – заявил он. – Я недавно из штаба фронта, он перебирается на новое место, и меня заверили, что тут у вас не менее пяти дивизий, которые ждут прибытия штаба шестнадцатой армии...

Происходил этот разговор во второй половине дня 6 октября.

Не успел я спросить Никитина насчет разведки и наблюдения за подступами к городу, как в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А. П. Вахтеров:

– Немецкие танки в городе!

– Кто сообщил?

– Я видел их с колокольни!

– Алексей Андреевич, позаботься, пусть приготовят машины, – обратился я к генералу Лобачеву.

Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно, увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города.

Немецкие танки вступали в Вязьму. Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать.

Самым емким оказался мой ЗИС-101, «газики» Лобачева и Попова поменьше. Забрав всех товарищей, мы покинули город. Вырваться удалось благополучно. В одном месте чуть не столкнулись с танком, но успели нырнуть в переулок, и врагу не удалось обстрелять нас прицельным огнем.

КП располагался в перелеске километрах в десяти северо-восточнее Вязьмы. Здесь мы стали подытоживать все данные, которые смог собрать штаб. Немцы нанесли удар излюбленным способом: прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием клиньев в глубине прорыва... Вот это для нас в тот момент было ясно. Значит, местом смыкания вражеских клещей оказалась Вязьма. Это мы уже знали, это сами наблюдали и чувствовали. Наша разведка подтвердила. Но где же должно образоваться внешнее кольцо окружения, о чем не преминет позаботиться враг, еще известно не было. И нам предстояло это выяснить.

Вечером 6 октября к нам на КП приехал начальник оперативного управления штаба фронта генерал Г. К. Маландин и с ним наш старый добрый знакомый генерал И. П. Камера. Они разыскивали штаб фронта. Обстановку на фронте товарищи не представляли. Я рассказал им, что сумели мы разузнать, и посоветовал попробовать ночью пробраться севернее автостреды на восток: туда, по всей вероятности, направился штаб фронта. Для безопасности Маландина и Камеру сопровождала группа наших офицеров. Эти товарищи благополучно выполнили задание, но на обратном пути их обстреляли немцы, двоих ранило, машина сгорела, и смельчаки пешком еле прорвались к нам.

Малинин доложил, что попытки разыскать какие-либо дивизии под Вязьмой тщетны. Предстояло подумать, что предпринять в этом странном положении.

Вернуться к своим войскам?

Враг, уплотняя внутреннее кольцо, уже лишил нас этой возможности. И главное, штаб 16-й армии предполагали использовать для выполнения какого-то задания, долг состоял в том, чтобы явиться и получить его.

Под вечер 6 октября штабной наш отряд перешел в лес северо-восточное города и севернее автостреды Вязьма – Можайск. На прежнем месте нас неоднократно засекли немецкие самолеты.

Всю ночь и весь следующий день работала разведка, высланная в разных направлениях. Установили: автострада восточнее Вязьмы перехвачена бронетанковыми частями противника, они плотно оседлали это направление; в самой Вязьме немецкая мотопехота; по дороге на Сычевку непрерывно движутся вражеские войска.

Туманово еще не занято, и там оказался эскадрон войск НКВД. Он к нам с радостью присоединился.

Подтвердились данные, что западнее противником образован фронт, перехватывающий все дороги.

В тумановском лесу в заброшенной землянке собрались ближайшие мои сотрудники. Предложения сводились к тому, что ожидать больше нельзя. Рассчитывать, что подойдут силы с востока, не приходилось, а значит, и нечем было помочь окруженным войскам. Мы сами оказались зажатыми между внутренним кольцом окружения и внешним, которое немцы старались скорее укрепить.

Окончательное решение, принятое мною, – прорываться на северо-восток. Там скорее всего у противника недостаточная плотность. Там больше возможностей встретить выходящие из окружения наши части. Начинаем поход в ночь на 8 октября.

Было время, когда мы собирали попавших в беду солдат и офицеров, организовывали их, поднимали дух, говоря, что там, где командир действует по-настоящему, где крепкие коммунисты и комсомольцы, там люди с честью выполняют свой долг перед Родиной, преодолевая все трудности. Теперь это предстояло доказать и нам своими действиями.

Установлен порядок: весь личный состав объединен в подразделения, назначены командиры. Движение – тремя колоннами: правую ведет генерал Казаков, центральную – я, а второй эшелон, в котором следуют и все автомашины, – полковник Орел. Броневики и танки БТ-7 идут за центральной колонной, находясь у командующего под рукой на случай встречи с врагом. Организовано охранение на походе и разведка. Тут нас выручал кавалерийский эскадрон НКВД, действовавший на удаленных дистанциях. Все, кроме водителей машин, идут пешком.

У штабного автобуса Лобачев собрал людей. Офицеры, шоферы, бойцы... Последние указания: ни при каких обстоятельствах не разбиваться на мелкие группы, идем и сражаемся вместе, помня воинское правило – один за всех, все за одного; раненых ни в коем случае не оставлять, убитых, если обстоятельства не позволят вывезти, хоронить на месте.

В сумерках трудно было рассмотреть лица людей. Но мы чувствовали, что они правильно понимают командование. Война уже многому научила.

Ночь. Двинулись. Сыпал крупный дождь. Проселочные дороги раскисли.

Время от времени – остановки для подтягивания отстающих и выравнивания колонн. Больше всего задержек из-за машин, а набралось их около сотни. То и дело вытаскивали из грязи с помощью танков.

В 15 км был намечен первый привал близ одной из деревень. При подходе к ней разведчики, а затем и головная застава натолкнулись на немецких мотоциклистов и пехоту на двух машинах. Завязали бой: поддержанные двумя танками, быстро разделились с противником. Немцы разбежались, оставив убитых, разбитую машину и несколько мотоциклов. В этой стычке главные силы нашего отряда не участвовали.

В пути неоднократно вспыхивала то слева, то справа перестрелка между нашими разъездами и мелкими группами немцев. Это настораживало людей, не внося никакого замешательства.

Поход проходил спокойно. Соблюдался строгий порядок.

В деревушке – не помню, право, названия – расположились на кратковременный отдых. Людям надо было поесть. (Между прочим, в Туманове, где к нам присоединились кавалеристы, на железнодорожной станции застряли продовольственные эшелоны; мы взяли все, что удалось, на свои грузовики, а остальное взорвали...)

Я, Лобачев, Калинин и еще кто-то из офицеров штаба и политотдела армии зашли в избу. Охваченные заметной тревогой, хозяева встретили гостеприимно. Вбежал мальчишка.

– Ну, юный разведчик, какие новости?...

Он, застеснявшись, сказал, что перед вечером через деревню прошли три фашистских танка и машин пять с солдатами. Хозяйка добавила: беженцы из Ново-Дугина и Тесова – это километров пятнадцать севернее – передавали, что там много вражеских танков и автомашин. Прут – спасу нет...

Ее прервал мужской голос из темного угла избы:

– Товарищ командир, что же вы делаете!..

Я повернулся и присмотрелся. На кровати лежал седобородый старик. Оказалось, отец хозяйки.

Пронзительно уставившись на меня, он говорил голосом, полным горечи и боли:

– Товарищ командир... сами вы уходите, а нас бросаете. Нас оставляете врагу, ведь мы для Красной Армии отдавали все, и последнюю рубашку не пожалели бы. Я старый солдат, воевал с немцами. Мы врага на русскую землю не пустили. Что же вы делаете?...

Эти слова помню и по сей день. Я ощутил их как пощечину, да и все присутствовавшие были удручены.

Конечно, мы попытались разъяснить, что неудачи временные, что вернемся обратно. Но, откровенно говоря, не осталось уверенности, что успокоили старого солдата, дважды раненого в Первую мировую войну и теперь прикованного к постели. При расставании он сказал:

– Если бы не эта проклятая болезнь, ушел бы защищать Россию.

Снова в пути. Шагаю, а из головы никак не выходит эта изба, обреченная на бедствия семья, старый колхозник. Упрек его справедлив...

Миновав поле, центральная колонна опять втянулась в лес. Разведчики донесли: севернее нас продвигаются на восток части 18-й стрелковой ополченской дивизии. Мы ее подчинили себе, поставив задачу на совместные действия при встрече с противником.

С этого момента наша группа представляла уже довольно солидную силу, способную прорваться в любом направлении.

Соединение с нами обрадовало ополченцев. Но нужно сказать, что они в трудном положении не растерялись. Настроение и до встречи с нами было у них боевое. Это были москвичи, умевшие постоять за себя и за общее дело. Недаром во время битвы за Москву 18-я дивизия

ополченцев, пройдя краткую, но умную школу под руководством опытного генерала Петра Николаевича Чернышева, героя обороны Смоленска, получила звание гвардейской...

Близился рассвет. Прошагали мы не менее 30 км по изнуряющему распутию. Очень устали. В это время мне и донесли, что примерно в 3 км приземлился самолет У-2. Я послал туда полковника Баранчука, начальника ВВС армии. Вскоре он вернулся с радостной вестью – в Гжатске наши войска, накануне там были Ворошилов и Молотов.

Обрадовавшись, Баранчук не подумал, что нужно бы привести летчика, и даже не спросил его более подробно. Я приказал доставить летчика к нам, но самолет уже поднялся и полетел почему-то на запад.

Известие быстро распространилось в отряде. Отовсюду просьбы – разрешить продолжать дальнейший марш на машинах: до Гжатска оставалось не больше 10 км.

Люди на самом деле устали, а шагать еще много. Наступил рассвет. Поэтому было принято решение двигаться на машинах к мосту у Гжатска. В целях осторожности передовой отряд был усилен двумя танками и броневиком. Кавалерия получила задание вести разведку севернее города, установить, где броды и переправы через Гжать. Ополченцы следовали на Гжатск во втором эшелоне, обеспечивая нас с запада и с юга.

Лобачев загорелся. Ему очень хотелось вперед.

– Может быть, еще застану Ворошилова! – объяснил он свое нетерпение.

Я ему разрешил отправиться с передовым отрядом, но только в бронемашине. И член Военного совета уехал.

Тронулась колонна штаба и управления, вытянувшись по одной дороге.

Понятным было общее желание быстрее переправиться через реку и встретиться со своими. Невольно ускорив движение, мы близ моста почти наступили на хвост головного отряда, который несколько растянулся. И в этот момент над перелеском, который мы проезжали, взвилось кольцообразное облако, и тут же раздался взрыв.

Машины, находившиеся в голове колонны, в том числе и моя машина, рванули вперед. Чем руководствовались мы тогда, совершая этот бросок, трудно объяснить, но мы это сделали и, выскочив на открытое пространство, сразу попали под обстрел крупнокалиберных пулеметов и танковых пушек.

Все стали рассыпаться в цепь.

На ходу сориентировавшись, я приказал частью сил колонны подкрепить передовой отряд, который уже вел огневой бой, находясь на западном берегу Гжати. Машины – убрать с дороги и замаскировать. Восемнадцатой дивизии – одним полком сковать противника у Гжатска, а главными силами попытаться прорваться значительно севернее.

Дело выглядело так. БТ-7 из головного охранения вырвался немного вперед, наскочил у моста на противотанковую мину и подорвался. По приближавшемуся отряду враг открыл автоматный и пулеметный огонь. В броневик Лобачева угодила снаряд-болванка (позже его нашли внутри машины). Отряд спешил и вступил в бой. Мост оказался взорванным.

Тут подоспели мы, и вовремя, потому что, видя малочисленность наших, немцы пытались переправиться через реку.

Эта попытка была отбита.

Сведения летчика оказались ложными. Он нас направил прямо в лапы врага, случайно или нет – не знаю.

Итак, дорога, по которой мы надеялись прорваться к своим, была уже перехвачена вражескими частями. Без переправочных средств форсировать Гжать мы не могли. Вести затяжной бой – бессмысленно, так как противник стянул бы сюда достаточно сил и разделался с нами.

Перед Гжатском временно остались заслоны, а все наши силы незаметно для немцев совершили маневр на север, двигаясь перекатами. Отойдя на значительное расстояние, мы все

еще слышали разрывы бомб на гжатском направлении. Над нами пролетали на большой высоте немецкие самолеты, но нас не атаковали.

И опять мы в пути. Двигаемся, опрокидывая немногочисленные вражеские отряды и обходя крупные группировки, собирая всех, кому удалось прорваться через внутреннее кольцо окружения. Видимо, это кольцо не столь уж плотное. Противник крепко держал лишь основные коммуникации.

Были найдены броды через Гжать, и в ночь на 9 октября мы благополучно переправились на противоположный берег. Не описываю всех событий, всех стычек с немцами, захвата и обеспечения переправ. Следуя на восток, мы вскоре выскользнули из сжимавшихся клещей внешнего фронта противника.

Только в лесах севернее Уваровки – в 40 км от Можайска – удалось наконец-то связаться со штабом фронта. Получили распоряжение прибыть в район Можайска.

В этот же день прилетели У-2 за мной и Лобачевым. Я дал указания Малинину о переходе на новое место, и мы направились к самолетам. Малинин на минуту задержал меня:

– Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, он ответил:

– Может пригодиться, мало ли что...

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

– Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

– Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

– Странно...

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным. Затем по его вызову в комнату вошел генерал Г. К. Жуков.

– Это новый командующий Западным фронтом, – сказал, обратившись к нам, Ворошилов, – он и поставит вам новую задачу.

Выслушав наш короткий доклад, К. Е. Ворошилов выразил всем нам благодарность от имени правительства и Главного командования и пожелал успехов в отражении врага.

Вскоре меня вызвали к Г. К. Жукову. Он был спокоен и суров. Во всем его облике угадывалась сильная воля.

Он принял на себя бремя огромной ответственности. Ведь к тому времени, когда мы вышли под Можайск, в руках командующего Западным фронтом было очень мало войск. И с этими силами надо было задержать наступление противника на Москву.

Вначале Г. К. Жуков приказал нам принять Можайский боевой участок (11 октября). Не успели мы сделать это, как получили новое распоряжение – выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией ополченцев в район Волоколамска, подчинить там себе все, что сумеем, и организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге.

События разворачивались стремительно.

14 октября мы прибыли в Волоколамск, а 16-го немецкие танки уже нанесли удар по левому флангу нашей армии.

Комментарий Ариадны Рокоссовской

Надпись на фотографии: *«Дорогой жене и другу на память. Костя. 3 ноября 1942 года»*

Генерал Малинин своей настойчивостью спас прадеду если не жизнь, то честь. Если бы он не настоял на том, чтобы Рокоссовский, получивший устное распоряжение, потребовал письменный приказ комфронта о выходе со штабом из наметившегося окружения, если бы не проследил, чтобы командарм взял этот приказ с собой, возможно, дело кончилось бы военным трибуналом. И, конечно, какое счастье, что был этот приказ Конева – необъяснимый и тогда, и сейчас, – который спас от окружения штаб 16-й армии, внесший позже огромный вклад в исход войны.

Военкор, писатель Александр Бек, приезжавший в армию Рокоссовского, когда она сражалась на Волоколамском направлении, написал о командующем и его соратниках очерк «Штрихи», в котором привел такой разговор с командующим:

«Пели „Стеньку Разина“. Подошла строфа: Чтобы не было раздора Между вольными людьми...»

– Святые слова! – сказал Рокоссовский.

– Почему святые? – спросил я.

– Потому что на войне все совершает коллектив.

– А командующий?

– Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей.

И давать им развернуться.

– А сам?

– Сам может оставаться незаметным. Но видеть все. И быть большим психологом.»

Штаб Рокоссовского был известен своей слаженной работой и тем, что переходя с фронта на фронт, командующий всегда брал с собой «своих»: начштаба Малинина, командующего артиллерией Казакова, начальника бронетанковых войск Орла, начальника тыла Антипенко и др. И лишь один раз уже на финальном этапе войны он изменил этой традиции. Когда Сталин сообщил прадеду, что его переводят с нацеленного на Берлин 1-го Белорусского фронта на 2-й Белорусский, он, зная об этой «слабости» Рокоссовского, сам предложил ему взять друзей с собой на новое место службы. Но прадед отказался, поскольку брать Берлин было их общей мечтой, и он не мог лишить их возможности ее исполнить. Прощаясь с друзьями на вечере, посвященном Дню Артиллерии 19 ноября 1944 года, Рокоссовский с трудом сдерживал слезы. За годы войны его штаб не только сработался, но и сроднился, это была настоящая фронтовая дружба на всю жизнь.

Бабушка говорила, что прадед ценил мужскую дружбу, считал ее одним из самых высоких проявлений человеческого духа. «Помню, как однажды отец вернулся домой очень расстроенный и заперся у себя в кабинете. Я хотела расспросить его, но мама не разрешила. – Его фронтовой товарищ попал в беду, – сказала она мне.

Через несколько дней папа, знавший того человека много лет и поэтому уверенный в его невинности, добился приема в самых высоких инстанциях. Только личное поручительство отца спасло этого человека от беды», – вспоминала она.

Волоколамское направление

Общая обстановка на Западном фронте к 14 октября оказалась очень тяжелой. Враг двигался на Москву. Потребовались титанические усилия партии, правительства и Верховного Главнокомандования для ликвидации нависшей над столицей нашей Родины угрозы. Руководимый партией советский народ доказал еще раз, на что он способен в минуты опасности. Все было сделано, чтобы преградить дорогу вражеским войскам. Ставка срочно направляла на боевые рубежи отдельные части из района Москвы, спешно перебрасывались дивизии с других фронтов, из Средней Азии и с Дальнего Востока.

Мы понимали, что и от нас командование фронта ждет полной отдачи сил.

Все, что мы увидели в Волоколамске, напоминало мне обстановку, в которой уже пришлось воевать в июле на ярцевском рубеже. Но тогда я прибыл на угрожаемый участок только с горсткой незнакомых офицеров, даже без средств связи. А сейчас, в октябре, командующий армией имел хорошо сколоченный штаб, оснащенный всеми необходимыми средствами, способный быстро установить связь и наладить управление. Личный состав штаба прошел уже суровую школу войны в весьма сложных условиях. Люди сработались, знали и понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Мы с Лобачевым, Казаковым, Орлом большую часть суток проводили в войсках, на переднем крае нашей растянутой линии обороны, знакомясь с местностью, изучая, насколько возможно в столь короткий срок, дивизии и людей. Я знал, что начальник штаба и его подчиненные ни минуты не теряют зря.

Коллектив политического отдела, возглавляемый Д. Ф. Романовым, не уступал штабному. Он состоял из крепких и закаленных большевиков, способных мобилизовать партийные и комсомольские организации на любое большое дело, воодушевить людей на подвиг.

Все это сыграло огромную роль в решении той сложной и ответственной задачи, которая была перед нами поставлена.

Развернув командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела по всем направлениям для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывавшихся из окружения частей, групп и одиночек.

Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л. М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение 16-й армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий – 50-й генерала И. А. Плиева и 53-й комбрига К. С. Мельника.

До прибытия к нам кавалеристы участвовали в боях на реке Межа и, получив приказ о выходе во фронтовой резерв для пополнения, двинулись на станцию Осуга (30 км южнее Ржева). Но выяснилось, что пути дальнейшего движения перехвачены моторизованными и танковыми частями противника. Дивизии генерала Доватора оказались во вражеском тылу. Стали пробиваться из окружения. И вот к 13 октября вырвались в район Волоколамска.

3-й кавкорпус, правда сильно поредевший, был в то время внушительной силой. Его бойцы и командиры неоднократно участвовали в боях, как говорится, понюхали пороху. Командный и политический состав приобрел уже боевой опыт и знал, на что способны воины-кавалеристы, изучил сильные и слабые стороны противника.

Особенно ценной в тех условиях была высокая подвижность корпуса, позволявшая использовать его для маневра на угрожаемых направлениях, конечно, с соответствующими средствами усиления, без которых конники не смогли бы бороться с вражескими танками.

Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор, о котором я уже слышал от маршала Тимошенко. Он был молод, жизнерадостен, вдумчив. Видимо, хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала.

Можно было не сомневаться, что задача, возлагаемая на корпус, будет выполнена умело. А она была очень сложной – организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска вплоть до Волжского водохранилища.

Левее кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе Военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С. И. Младенцева и комиссара А. Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама.

Алексей Андреевич Лобачев, узнав, что к нам пришли кремлевские курсанты, весь преобразился от нахлынувших чувств, и я не мог не послать его к ним. Наш член Военного совета гордился тем, что его боевая юность началась в стенах кремлевской военной школы. С какой радостью он рассказывал, что в 21-м году стоял часовым на посту № 27 – у квартиры Владимира Ильича Ленина!

Возвратившись, Лобачев рассказал, что настроение у курсантов бодрое, боевое.

– Хороший, надежный полк!

И на самом деле в первых же боях полк Младенцева показал, что способен на многое.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И. В. Панфилов, а комиссаром был С. А. Егоров. Такую полнокровную стрелковую дивизию – и по численности, и по обеспечению – мы давно не видели. Командиры подобались крепкие, а политработники были выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР. При формировании дивизии большая помощь ей была оказана со стороны Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана.

Уже 14 октября я встретился с генералом Панфиловым на его командном пункте, и мы обсудили основные вопросы, касавшиеся действий его соединения. Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление. Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Его предложения были хорошо обоснованы.

Простое открытое лицо, некоторая даже застенчивость вначале. Вместе с тем чувствовались кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужный момент. О своих подчиненных генерал отзывался уважительно, видно было, что он хорошо знает каждого из них.

Бывает, человека сразу не поймешь – на что он способен, каковы его возможности. Генерал Панфилов был мне понятен и симпатичен, я как-то сразу уверился в нем – и не ошибся.

Изучение характера подчиненных командиров – необходимейшая сторона подготовки к бою. Почему? Потому что в этих характерах – тоже резервы командующего. Это дело кропотливое, а у нас тогда времени было в обрез.

Понравилось мне и спокойное остроумие генерала. Оценивая участок от Болычева к реке Руза, где стоял один из его полков, он сказал:

– Да, здесь мы сели на колышки.

Меткая характеристика так называемой «укрепленной полосы» – вместо оборонительных сооружений там оказались только колышки, их обозначающие: строители больше ничего не успели сделать.

Принимаем все меры, чтобы до начала вражеского наступления подготовить хотя бы укрепления полевого типа.

Исходя из оценки местности, мы считали, что, вероятнее всего, свой главный удар противник обрушит на левый фланг 316-й дивизии. Этому участку и командование армии, и сам И. В. Панфилов уделяли наибольшее внимание, заботясь прежде всего о глубокой противотанковой обороне.

Командиры штаба армии и служб передавали войскам опыт, приобретенный в минувших боях, помогали словом и делом.

В каждом бою противник использовал главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Этого нам опять следовало ожидать. Для противодействия танкам наметили бросить всю нашу артиллерию. Но ее у нас явно не доставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр как траекториями, так и колесами. Спланировали перегруппировку артиллерии на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения. Василий Иванович Казаков и его офицеры помогали командирам дивизий и артиллерийским начальникам организовать использование артиллерии всех видов, вплоть до зенитной и «катюш», для борьбы с танками, откуда бы те ни появились.

Каждой батарее и отдельному орудью, придаваемым пехоте или спешенной кавалерии для борьбы с танками, обязательно выделялись соответствующие стрелковые подразделения для прикрытия от немецких автоматчиков. Подчинялись эти подразделения командиру батареи или орудия, которые они прикрывали. Это мероприятие 16-я армия ввела у себя, учитывая опыт боев, и оно себя оправдало.

Помимо того, были созданы подвижные отряды саперов с минами и подрывными зарядами. Посадили эти отряды на машины и на повозки. Задача – в процессе боя перехватывать танкоопасные направления, преграждать путь танкам в глубину нашей обороны.

На стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. В частности, 1075-й полк панфиловской дивизии свой левый фланг прикрывал 4-километровым рвом, поставив там 4 тысячи мин.

Оборонительные работы развернулись по всей полосе обороны 16-й армии, протяженность которой была почти 100 км.

Наряду с усовершенствованием обороны проводилась большая работа по укреплению политико-морального состояния бойцов. Она направлялась на то, чтобы все прониклись решимостью отстаивать занимаемый рубеж, не допуская мысли об отходе. И надо сказать, сделано в этом смысле было немало.

Сознание того, что на нас возложена задача защищать подступы к Москве, удесятерило наши силы. Воины клялись сделать все, чтобы разбить врага.

Всем нашим бойцам было известно, как самоотверженно трудятся московские рабочие и работницы. Не зная отдыха, они превратили столицу в арсенал, снабжавший фронт оружием и боеприпасами. Москвичи – и это мы видели! – самозабвенно возводили противотанковые препятствия, ставили надолбы... Связь с рабочими коллективами столичных заводов не прекращалась даже в эти напряженные и до предела загруженные дни. Слово «Москва» заключало для каждого из нас – от большого начальника до рядового бойца – очень многое: все, за что боролись, в чем преуспели, создав рабоче-крестьянское государство.

Большую помощь 16-й армии на волоколамском направлении оказала партийная организация столицы. Ее заботами в октябре 41-го года из москвичей-добровольцев были созданы десятки истребительных рот и батальонов; они вливались в армию, усиливали ее поредевшие в непрерывных боях части.

Помню как сейчас: позвонил мне по ВЧ начальник московской милиции В. Н. Романченко:

- Не пригодится ли отряд милиции для действий на фронте?
- Будем очень рады ему.

Вскоре в Волоколамск прибыл прекрасно экипированный, внушительный отряд, сформированный из добровольцев – работников столичной милиции. Его мы использовали для действий в тылу врага, и он на протяжении длительного времени оказывал нам неоценимые услуги.

Нашим соседом была 30-я армия генерала В. А. Хоменко. Войска ее под давлением противника отходили севернее Московского моря. К началу боев связь с ней не была установлена. Слева, юго-восточнее Болычева, нашим соседом была 5-я армия, которой вначале командовал генерал Д. Д. Лелюшенко, а затем генерал Л. А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Малочисленность войск заставила нас выделить все соединения в первый эшелон, и каждое из них занимало оборону на широком фронте.

В резерве мы имели стрелковый полк 126-й дивизии. Он организованно вышел из окружения. Мы рассчитывали развернуть его в полнокровное соединение, пополняя с нашего сборного пункта. И еще была выведена в резерв для пополнения 18-я стрелковая ополченская дивизия. Разумеется, они держались наготове.

Армия получила на усиление два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два пушечных полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и три дивизиона «катюш». По тому времени артиллерии у нас было много. Но учтите 100-километровый фронт обороны!..

Утром 16 октября противник нанес удар танковыми и моторизованными соединениями на левом фланге нашей армии – как раз там, где мы предполагали и где с особенной тщательностью готовились его встретить.

Только на этом участке враг сосредоточил четыре дивизии – две пехотные и две танковые. Главный удар пришелся по 316-й дивизии Панфилова, передний край которой проходил в 12–15 км от Волоколамского шоссе.

Завязались тяжелые оборонительные бои. Гитлеровцы вводили в бой сильные группы по 30–50 танков, сопровождаемые густыми цепями пехоты и поддерживаемые артиллерийским огнем и бомбардировкой с воздуха.

Встретив хорошо организованное сопротивление наших войск, противник отходил, но потом снова начинал атаки. Большие потери вынуждали врага вводить в бой новые и новые силы.

Сражение разгоралось на всем фронте обороны 16-й армии.

17 октября был атакован корпус Доватора севернее Волоколамска. В этот же день в районе Болычева на стыке с 5-й армией немцы бросили на полк 316-й дивизии до 100 танков. Им удалось овладеть двумя населенными пунктами.

Пытаясь развить успех в глубину, немцы еще больше усилили натиск, но были встречены стянутой сюда с других участков артиллерией и, понеся большие потери в танках, отброшены назад.

Не продвинулись они и на рубежах, занимаемых спешенной конницей. Здесь тоже все атаки удалось отбить.

18 октября противник, стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, ввел против 316-й стрелковой дивизии сотни полторы танков и полк мотопехоты в направлении Игнатково, Жилино, Осташово. Навстречу этой стальной лавине была выдвинута противотанковая артиллерия, пушечные батареи и «катюши».

Но вот еще около сотни вражеских танков появилось в районе Жилина, на южном берегу Рузы. Пришлось мне использовать ближайшие, а затем и все армейские артиллерийские резервы. Маневр артиллерией спас положение.

В результате двухдневного боя – 18 и 19 октября – гитлеровцы незначительно потеснили части дивизии Панфилова. Но враг понес такие потери в танках и живой силе, что вынужден был прекратить атаки.

Наши потери тоже были немалые. Артиллеристы, пехотинцы, саперы и связисты проявляли массовый героизм, отражая вражеский натиск. Случалось, артиллеристы продолжали вести огонь из поврежденных орудий. Пехотинцы встречали танки гранатами и бутылками с

горючей смесью. Стрелковые подразделения, прикрывавшие орудия, гибли вместе с расчетами, но не покидали их. Связисты под сильнейшим огнем наводили связь и восстанавливали линии.

Противник вынужден был то и дело менять тактику применения танков. Пытался он пускать их мелкими группами вне дорог. Однако нашей артиллерией был предусмотрен маневр для отражения и таких попыток.

Передышка длилась недолго. Бои возобновились. Атаки следовали за атаками. Проявляя активность на всем фронте, противник основное внимание по-прежнему сосредоточивал на волоколамском направлении, вводя здесь все новые части.

Обладая большим превосходством в силах, гитлеровцы постепенно, километр за километром, теснили наши войска. Создав мощный танковый кулак, немцы стремились пробиться к Волоколамскому шоссе. С воздуха их атаки все время поддерживала авиация.

К 25 октября противник овладел Болычевом, Осташовом, форсировал Рузу. Бросив в бой до 125 танков, он захватил станцию Волоколамск.

В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, наша армия понесла чувствительные потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение.

Очень многое сделали в эти дни генерал Василий Иванович Казаков и его артиллеристы. Но все имеет предел. Настал момент, и Казаков доложил, что артиллерии у нас не хватает даже для борьбы с теми силами, которые враг уже бросил в сражение. А разведка и показания пленных свидетельствовали о появлении перед нами новых танковых частей. Нужно было во что бы то ни стало добиться усиления армии артиллерией.

Мне очень не хотелось, но я вынужден был обратиться по ВЧ к командующему фронтом Г. К. Жукову. Разговор предстоял не из приятных, я заранее это предвидел. Стоически выслушал все сказанное в мой адрес. Однако удалось добиться присылки в армию к утру 26 октября двух полков 37-мм зенитных пушек. Худо ли, хорошо ли, но это была помощь. У Жукова тоже в те дни каждая батарея была на счету.

Оба полка тут же были отданы Панфилову для противотанковой обороны полосы его дивизии.

Нажим врага на Волоколамск все усиливался. Против 316-й дивизии действовали помимо пехотных не менее двух танковых дивизий. Мне пришлось произвести некоторую перегруппировку для усиления левого фланга армии. Сюда форсированным маршем вышел корпус генерала Доватора (его у Волжского водохранилища заменила несколько пополненная 126-я стрелковая дивизия; туда же подтягивалась и 18-я стрелковая дивизия).

Как известно, на севере противник, продолжая наступление, 14 октября овладел Калинином, оттеснил правофланговые части 30-й армии, глубоко продвинулся на восток вдоль северного берега Московского моря. Таким образом, немецкие войска заняли нависающее положение над нашим правым флангом. Как мне думается, Генеральный штаб при определении границ между Западным фронтом и Калининским (созданным 17 октября) допустил ошибку. Суть ее в том, что границу избрали не по такому крупному рубежу, каким являлось Волжское водохранилище, а отнесли ее южнее. И войска 30-й армии оказались разделенными на две части.

Фашистам удалось значительно потеснить и правый фланг другого нашего соседа – 5-й армии. Противник овладел Можайском и Рузой, продвинулся к востоку непосредственно на участке, примыкавшем к нашей полосе обороны, и обошел Волоколамск с юга.

В это же время после нескольких дней упорных боев отошел к востоку от рубежа реки Лама курсантский полк, оборонявшийся севернее Волоколамска. Значит, и с этой стороны врагу удалось занять нависающее положение. И наконец 27 октября, введя крупные силы танков и пехоты при поддержке артиллерии и авиации, противник овладел Волоколамском. Но попытка врага перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру, была отражена реши-

тельными и умелыми действиями вовремя прибывшей и изготовившейся к бою кавалерийской дивизии генерала Плиева с приданной ей артиллерией.

Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его навеки покрыла себя славой панфиловская дивизия. Ее в армии так и называли, и солдаты 316-й о себе говорили: «Мы – панфиловцы!» Счастлив генерал, заслуживший в массе бойцов так просто выраженную, но неизгладимую в сердцах любовь и веру.

Самоотверженно и умело сражался и курсантский полк С. И. Младенцева.

Именно эти стрелковые войска и действовавшие с ними артиллерийские части, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше. Мы нанесли немецким соединениям огромный урон, особенно в танках.

Противник вынужден был сделать паузу для перегруппировки и подтягивания свежих сил.

Бои в районе Волоколамска и за Волоколамск вошли в историю. О них написано много книг, и повторяться не нужно. Скажу лишь одно: тогда все – от рядового до генерала – не жалели ни сил, ни жизни, чтобы преградить врагу путь к Москве.

Истощив силы в боях под Волоколамском и севернее его, гитлеровские войска остановились. В течение нескольких дней велись лишь бои местного значения.

По нашим наблюдениям, данным разведки и другим сведениям, немецко-фашистское командование, испытав прочность нашей обороны, решило подготовить новый удар. На волоколамско-истринское направление подходили свежие части, производилась какая-то перегруппировка к северу.

В эти дни с несколькими офицерами прибыл к нам вышедший из окружения генерал И. В. Болдин. От него мы узнали о судьбе войск Западного и Резервного фронтов, оказавшихся в окружении западнее Вязьмы (то есть 19, 20, 24 и 32-й армий, в том числе и тех соединений, которые мы по приказу от 5 октября передали Ф. А. Ершакову). Из слов Болдина вытекало, что части, потеряв связь с вышестоящими штабами, самостоятельно, с огромным трудом пробивались через вражеские заслоны на восток, к своим.

Сам генерал Болдин с небольшой группой командиров и бойцов тоже лесами пробирался на восток. С ними был и раненый М. Ф. Лукин. В одну из ночей их внезапно атаковали немецкие автоматчики. После скоротечного боя прорываться пришлось уже в одиночку. Поэтому не сразу заметили отсутствие Михаила Федоровича Лукина. Впоследствии мы узнали, что в эту трагическую ночь он в бессознательном состоянии попал в плен.

И. В. Болдин убыл от нас в Москву и вскоре прославился как один из героев обороны столицы на левом крыле Западного фронта.

Используя наступившую передышку, вырванную у врага, войска нашей армии, ведя мелкие бои, продолжали укреплять оборонительные позиции.

А обстановка на фронте все усложнялась. Разведка доносила, что и на волоколамское направление и к правому флангу 16-й армии подтягиваются крупные вражеские силы. Нужно было со дня на день ожидать удара. Мы у себя в штабе тщательно обдумывали, как нам поспеть хотя бы несколько улучшить положение своих соединений. Так созрела мысль о Скирмановской операции, мысль довольно рискованная, но плодотворная.

В конце октября и начале ноября немцы захватили у нас на левом фланге несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово. Гитлеровцы нависли с юга над магистралью Волоколамск – Истра. Они не только простреливали ее артиллерийским огнем, но и могли в любое время перехватить и выйти в тыл основной группировке нашей армии на этом направлении.

Обязательно нужно было изгнать противника из Скирманова и заблаговременно ликвидировать угрозу. Решение этой задачи выпало на долю 50-й кавалерийской дивизии генерала И. А. Плиева, 18-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Чернышева и танковой бригады М.

Е. Катукова, недавно прибывшей к нам. Привлекли также несколько артиллерийских частей и дивизионов гвардейских минометов.

Риск был в том, что мы решились на это дело в предвидении начала вражеского наступления. Как говорится, нужда заставила. Но в этом были и определенные преимущества: немецкое командование вряд ли могло предположить, что мы рискуем. Все товарищи – и Калинин, и Казаков, и Орел – с воодушевлением работали над планированием боевых действий и подготовкой частей. Несколько успокаивало то, что к правому флангу армии стали уже выдвигаться те кавдивизии, о которых недавно вел со мною речь командующий фронтом; их включили в состав 16-й армии.

Бои за Скирманово – с 11 по 14 ноября – прошли очень удачно. Артиллеристам, минометчикам и «катюшам» удалось нанести фашистам большой урон, а дружные атаки пехоты, подержанные танками, довершили дело. Большую пользу принесла, во-первых, сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся ночью перед атакой в расположение противника, а во-вторых, выдвинувшиеся во фланг и почти в тыл гитлеровцам кавалеристы такого боевого генерала, как Плиев. Правда, герои-конники сами попали в трудное положение, поскольку после завершения операции им пришлось с боем пробиваться назад. Но сражаться в тылу врага им было не впервой, и свое дело они выполнили с честью.

Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения, был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад.

На поле боя враг оставил до 50 подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-мм пушек, минометы, сотни автомашин.

Эту картину я имел возможность наблюдать вместе с А. А. Лобачевым и Владимиром Ставским, приехавшим к нам от «Правды». Но Ставский, конечно, не только любовался воодушевляющим зрелищем разбитой немецкой техники. Он был вместе с людьми 16-й армии в самые неистовые дни, даже в таком пекле, как под Спас-Рюховским. Каково там было, знают защитники Волоколамска, а кто не знает, тому напомним: именно там встал, поднятый ночью по тревоге, 289-й противотанковый полк, и его командир майор Ефременко отдал приказ выложить у каждого орудия по 100 снарядов... Рядом с майором был писатель-правдист. Мне об этом, между прочим, сказал по телефону находившийся на НП полка Василий Иванович Казаков. На вопрос, чем там Ставский занят, он ответил:

– В данный момент считает «юнкеры», которые нас долбят... Насчитал двадцать семь. Словом, как я уже упоминал, мы Владимира Ставского любили, и было за что...

Все мы чувствовали, что приближается новое суровое испытание в битве за родную Москву. И старались как можно лучше подготовиться к боям.

Чем пополнилась к этому моменту 16-я армия?

Прибывшие из Средней Азии 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии (в каждой 3 тысячи человек) составили второй эшелон. Лошади оказались не перекованными к зиме, а в Подмоскovie грунт уже замерз, на заболоченных местах появился лед, и это затрудняло передвижение конницы. Бойцы и командиры дивизий еще не имели навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности.

Обрадовала нас прибывшая из Сибири 78-я стрелковая дивизия. Ее привел под Москву замечательный боевой командир полковник А. П. Белобородов. Состояла она преимущественно из сибиряков, а среди наших прекрасных солдат сибиряки всегда отличались особой стойкостью, была полностью укомплектована и снабжена всем положенным по штатам военного времени. Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск! Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова.

Получили мы и две танковые бригады, но с небольшим количеством танков, и 58-ю танковую дивизию почти совсем без боевой техники. Несколько пополнилась артиллерия армии.

При всем этом противник имел подавляющее превосходство, особенно в танках и авиации.

Хочется отметить один момент, предшествовавший ноябрьским оборонительным боям. Неожиданно был получен приказ командующего Западным фронтом – нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской группировке противника. Срок подготовки определялся одной ночью. Признаться, мне было непонятно, чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ. Сил мы могли выделить немного, времени на подготовку не отводилось, враг сам готов был двинуться на нас. Моя просьба хотя бы продлить срок подготовки не была принята во внимание.

Как и следовало ожидать, частный контрудар, начатый 16 ноября по приказу фронта, принес мало пользы. На первых порах, пользуясь неожиданностью, нам удалось даже вклиниться километра на три в расположение немецких войск. Но в это время они начали наступление на всем фронте армии. Нашим выдвинувшимся вперед частям пришлось поспешно возвращаться. Особенно тяжело было конной группе Л. М. Доватора. Враг наседал на нее со всех сторон. Лишь благодаря своей подвижности и смекалке командира конники вырвались и избежали полного окружения.

Еще готовясь к этой операции, мы перенесли командный пункт армии в Теряеву Слободу. Немецкая авиация нас здесь основательно побомбила. Сильно пострадали оперативный и разведывательный отделы.

Штаб армии перешел в Ново-Петровское (на автостраде Волоколамск – Москва). Мы выбрали это место еще и потому, что располагали данными о сосредоточении крупных танковых сил именно против левого крыла 16-й армии. Отсюда было удобнее управлять войсками, которые, по-видимому, должны были встретить главный удар противника.

Перебираясь на новое место, мы с Лобачевым воспользовались случаем и заехали на несколько часов в Москву.

Увидели мы ее настороженной, ошестинившейся металлическими надолбами и рогатками, с баррикадами на окраинах и с амбразурами в стенах домов.

Город был сурово молчалив и грозен.

На подступах к городу десятки тысяч москвичей рыли окопы и противотанковые рвы. Тут больше всего было женщин, пожалуй, всех возрастов.

Лица сосредоточенны. Чувствовалось, что люди понимают необходимость того, чем они заняты. Мы не заметили растерянности и уныния. Работа кипела. А погода была не из приятных – моросил холодный дождь, висел туман и все кругом окутала промозглая сырость.

Сознаюсь, что эти труженики, с таким спокойным упорством выполнявшие тяжелую земляную работу, тронули меня до глубины души. И к сердцу подступила еще более жгучая злоба и ненависть к врагу. Я взглянул на Лобачева и по его лицу понял, что им овладели те же чувства.

Мы сознавали, что то же самое испытывают все воины нашей армии и что битва, которая начнется не сегодня завтра, будет решающей и послужит началом коренного поворота в ходе всей кампании. Право на такую уверенность давали нам октябрьские бои под Волоколамском.

Как ни силен был враг со всей его мощной техникой, ему не удалось прорвать наш фронт. Невиданной была стойкость войск в этих боях.

...Наш штаб и управление уже расположились в Ново-Петровском. Военный совет разместился в соседней деревушке Устиново. Штаб имел связь со всеми соединениями и частями, с соседями справа и слева. Нужно отдать должное полковнику П. Я. Максименко, его неиссякаемой энергии, знанию дела и высоко развитому чувству ответственности за порученный участок работы. Именно благодаря этим качествам он в самых сложных условиях создавал нам возможность поддерживать непрерывную связь с войсками. На протяжении всего периода боев

под Москвой связисты – солдаты, сержанты и офицеры – честно, с величайшей самоотверженностью выполняли свой воинский долг.

Еще один штрих тех дней, сильно запомнившийся. В Ново-Петровском нас навесил Емельян Ярославский с группой агитаторов Центрального Комитета партии, и этого человека народ знал и любил. Наши товарищи позаботились, чтобы из каждого полка прибыли люди его послушать, а там уж солдатская молва разнесет по позициям слово партии.

В помещении было полным-полно народу. Емельян Михайлович в своем пиджачке выделялся среди военных. Он сказал, что не станет делать доклад.

– Спрашивайте, товарищи, обо всем, что вас волнует, а я, как смогу, отвечу, – обратился к присутствующим Емельян Михайлович.

Вопросы посыпались со всех сторон. Невдалеке от Ярославского прямо на полу сидела тесная группа панфиловцев. Они были в белых маскировочных халатах и с автоматами в руках. Все с огромным вниманием слушали оратора.

К началу вражеского наступления у нас были собраны довольно точные данные о группировке немецко-фашистских войск. Против 16-й армии немцы сосредоточили 5-й армейский, 46-й и 40-й моторизованные корпуса 4-й танковой группы. Севернее Волоколамска занимали исходное положение 106-я и 35-я пехотные дивизии. На участке западнее и юго-восточнее Волоколамска против левого фланга нашей армии развернулись четыре танковые дивизии – 2, 11, 5 и 10-я – и моторизованная дивизия СС под названием «Рейх». Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Там, видимо, склонны были считать, что наши донесения преувеличивают силы противника. Мы, конечно, понимали товарищей. Им хотелось, чтобы сил у противника было меньше. Да ведь и мы не возражали бы против этого. Но пленные, взятые под Скирмановом и на других участках, подтверждали наши сведения. Приходилось считаться с фактами и готовиться к худшему. Успокаивать себя и войска мы не имели права.

Для усиления нашего левого крыла был привлечен корпус Доватора. При нужде можно было бы сманеврировать на угрожаемый участок.

На левый фланг уступом назад мы подтянули 78-ю стрелковую дивизию.

Комментарий Ариадны Рокоссовской

В семейном архиве сохранилась справка за подписью начальника штаба 16-й армии от 30 сентября 1941 года, которая подтверждает, что Рокоссовская Юлия Петровна вместе с дочерью Адой Константиновной Рокоссовской проживает в городе Новосибирске по ул. Добролюбова, 91 и является женой генерала Рокоссовского. Это позволяло им получать пособие, чтобы сводить концы с концами. Но нельзя сказать, что такое положение вещей устраивало любящих жену и дочь. Узнав, что Рокоссовский под Москвой, и полагая, что он хоть изредка, да бывает в столице, они с трудом удерживались от того, что прадед называл «московскими настроениями». Их останавливало только то, что сам он просил их в своих письмах: «Забирайтесь куда-нибудь в маленький городишко подальше от больших городов, там будет спокойнее».

Понимая, что речь идет, прежде всего, о его спокойствии, о том, что в тяжелой боевой обстановке он не должен думать еще и о том, что с его семьей, жена и дочь терпели все лишения и жили вестями с фронта и письмами, которые прадед – человек с обостренным после многих лет скитаний чувством семьи – старался писать регулярно. В своих письмах он старался внушить им уверенность, что всё будет хорошо, что враг очень скоро будет разбит. По воспоминаниям очевидцев, это не было бравадой, Рокоссовский действительно верил в то, что Третьему рейху не победить Советский Союз.

В самый тяжелый момент, когда был оставлен Волоколамск и враг неудержимо рвался к Москве, прадед пожурил военкора «Красной Звезды» Трояновского за то, что у него есть карта Московской области и нет карты Европы, и отдал ему свою, написав на ней: «Специальному корреспонденту „Красной Звезды“ Трояновскому П. И.

Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Обязательно будем в Берлине! К. Рокоссовский. Подмосковье, 29 октября 1941 года».

Военкор возил эту карту с собой всю войну. И не зря! В конце апреля 1945-го, когда советские войска ворвались в Берлин, Трояновский встретился там с Малининым. «Дайте вашу карту, – вдруг снова попросил Малинин. Я подал. Начальник штаба фронта правее записи, сделанной еще в октябре 1941 года К. К. Рокоссовским, написал: „Сим удостоверяю, что мы в Берлине! Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. С. Малинин, бывший начальник штаба 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский. Берлин, 22 апреля 1945 года“».

Отступать некуда

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, 16 ноября немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые фон Боком, перешли в наступление, и сражение развернулось на широком фронте от Калинина до Тулы. На севере главный удар наносился в полосе 30-й, 16-й армий и правого крыла 5-й армии (Волжское водохранилище, железная дорога Москва – Можайск), на юге в полосе 50-й армии (Тула, Новомосковск в направлении на Каширу).

Сразу определилось направление главного удара в полосе нашей армии. Это был левый фланг – район Волоколамска, обороняемый 316-й дивизией и курсантским полком.

Атака началась при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня и налетов бомбардировочной авиации. Самолеты, встав в круг, пикировали один за другим, с воем сбрасывали бомбы на позиции нашей пехоты и артиллерии.

Спустя некоторое время на нас ринулись танки, сопровождаемые густыми цепями автоматчиков. Они действовали группами по 15–30 машин. Всю эту картину мы с Лобачевым наблюдали с НП командира 316-й дивизии генерала Панфилова.

Танки лезли напролом. Одни останавливались, стреляя из орудий по нашим противотанковым батареям, другие, с подбитыми гусеницами, вертелись на месте... До десятка уже горело или начало дымить. Видно было, как из них выскакивали и тут же падали гитлеровцы.

Автоматчики, сопровождавшие танки, попав под наш огонь, залегли. Некоторым танкам все же удалось добраться до окопов. Там шел жаркий бой.

Части 316-й дивизии, поддерживавшая их артиллерия усиления, а также танки поддержки пехоты, которых у нас было очень мало, давали наступающим гитлеровцам жестокий отпор. По снижавшимся самолетам дружно били счетверенные пулеметы и 37-мм зенитные пушки. И не безрезультатно! Время от времени то в одном месте, то в другом падал, дымя и пылая, немецкий самолет.

Именно в этот день у разъезда Дубосеково совершили свой всемирно известный подвиг двадцать восемь героев из панфиловской дивизии во главе с политруком Василием Клочковым. Его слова «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва» облетели всю страну и армию.

Картина боя и поведение наших войск вызвали у меня твердую уверенность в том, что враг будет разбит, не достигнув Москвы. В этом бою я еще лучше узнал Ивана Васильевича Панфилова и его ближайших соратников. Командир дивизии управлял войсками уверенно, твердо, с умом. Если здесь будет уж совсем трудно, думалось мне, то помогать Панфилову нужно, лишь подкрепив его свежими силами, а использовать их он сможет без подсказки сверху. С таким убеждением мы покидали его наблюдательный пункт.

Лобачев отправился в курсантский полк, где тоже шел напряженный бой, а я поехал на свой основной КП – в Устинове, чтобы быть в курсе событий, развернувшихся во всей полосе обороны армии. Проезжая вдоль фронта, дважды попадал под обстрел немецких самолетов: они патрулировали над шоссе Волоколамск – Москва и гонялись за каждой машиной. Несколько раз останавливался в пути и прислушивался к гулу канонады – да, и на участке 18-й стрелковой дивизии тоже завязался бой...

К моему приезду штаб уже собрал и обобщил данные о событиях. Против 30-й армии противник вчера предпринял активные действия небольшими силами. Все его атаки были отбиты стоявшей на стыке с нами 107-й мотострелковой дивизией. С утра 16 ноября там началось более мощное наступление, но о результатах пока еще неизвестно. Правда, Калинин сказал, что только что поступило сообщение из нашей правофланговой 126-й дивизии: у ее соседа неблагополучно, немцы вклинились на стыке, командир 126-й вынужден был бросить туда свой резерв, а ведь он сам всеми средствами отражал атаки 14-й мотодивизии немцев.

На участке курсантского полка непрерывно продолжались ожесточенные атаки. Наша оборона нигде не была прорвана. 18-я стрелковая дивизия, введенная в бой левее панфиловской, также мужественно отражала натиск врага. Однако на стыке между дивизиями создалось тяжелое положение: там гитлеровское командование ввело новые силы, предположительно 5-ю танковую дивизию. Впоследствии донесение подтвердилось. Обстановка вынудила меня обеспечить угрожаемое направление выдвижением кавалеристов И. А. Плиева и К. С. Мельника, что оказалось своевременным.

Положение на левом фланге 30-й армии нас сильно беспокоило, тем более что к вечеру связь с ее штабом прервалась. Я обратился с просьбой к командующему фронтом передать в мое подчинение две кавалерийские дивизии и одну танковую, находившиеся в полосе нашей армии, в районе западнее Клина, но числившиеся в резерве фронта. Г. К. Жуков ответил, что они по указанию Ставки уже подчинены 30-й армии, которая с 17 ноября передается в состав Западного фронта. Должен сказать, что такое решение Верховного Главнокомандования было правильным, хотя и несколько запоздавшим.

17 ноября противник продолжал наступление, вводя все новые части. Холода сковали болота, и теперь немецкие танковые и моторизованные соединения – основная ударная сила врага – получили большую свободу действий. Мы это сразу почувствовали. Вражеское командование стало использовать танки вне дорог. Они обходили населенные пункты, двигались по перелескам и мелколесью. Если же противник не мог обойти наши позиции, то стягивал для прорыва массу танков, атаки сопровождался сильным артиллерийским и минометным огнем, а с воздуха удар наносили пикирующие бомбардировщики. Такой тактический прием осложнил борьбу наших войск. В ответ мы применили маневр кочующими батареями и отдельными орудиями и танками. Они перехватывали фашистские танки и расстреливали их в упор. Борьбе с «бродячими» танковыми группами очень помогали саперы. Передвигаясь на автомашинах, они ставили на пути врага мины и фугасы. Нами поощрялась любая полезная инициатива, и это давало хорошие результаты. Каждый шаг по нашей земле стоил гитлеровцам больших жертв. Они теряли технику, слабела их ударная сила.

Но враг был еще силен и продолжал непрерывно наносить удары. Против нашего левого крыла, куда он уже бросил четыре танковые дивизии и одну мотодивизию СС, к 18 ноября появились части его 252-й пехотной дивизии. Противнику удалось значительно потеснить правофланговые части 5-й армии, введя дополнительные силы, быстро продвинувшись в образовавшийся между армиями разрыв.

Возникла угроза выхода врага нам глубоко во фланг. Противник устремился к шоссе Волоколамск – Москва.

В этот критический момент и вступила в дело приберегавшаяся нами 78-я стрелковая дивизия А. П. Белобородова. Ей была поставлена задача контратаковать рвущиеся к шоссе немецко-фашистские войска.

Белобородов быстро развернул свои полки, и они двинулись в атаку. Сибиряки шли на врага во весь рост. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, опрокинут, отброшен.

Этот умелый и внезапный удар спас положение.

Сибиряки, охваченные боевым азартом, преследовали врага по пятам. Лишь выдвинув на это направление новые части, немцы приостановили дальнейшее продвижение 78-й дивизии.

На других участках обороны армии также шли тяжелые бои. Намного превосходя наши войска в числе, имея большую подвижность, постоянную поддержку авиации, противник сравнительно легко создавал в процессе боя ударные группировки. Подмерзшая земля благоприятствовала ему. Он наносил удары то там, то здесь, добиваясь местного успеха. Нам же в каждом таком случае, поскольку достаточных резервов в глубине не имелось, приходилось снимать с какого-либо участка обороны часть сил, чтобы не допустить прорыва на угрожаемом направлении.

Мы вынуждены были отходить. За три дня непрерывного боя части армии местами отошли на 5–8 км. Но прорвать оборону немцам нигде не удалось.

18 ноября, когда панфиловцы с упорством героев отбивали вклинившегося в их оборону противника, погиб на своем наблюдательном пункте генерал Панфилов. Это была тяжелая утрата. Всего несколько часов не дожидаясь Иван Васильевич до радостного момента – дивизия, которую он так славно водил в бои, получила звание гвардейской. Беспримерный героизм и мужество солдат и офицеров 316-й, выдающиеся достоинства ее командира были высоко оценены партией и правительством. Мы только что услышали в передаче Московского радио Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени. Она была переименована в 8-ю гвардейскую. И вдруг – известие о гибели генерала...

В ходе трехдневных боев немецкое командование, видимо, убедилось, что на волоколамском направлении ему не прорвать оборону советских войск. Поэтому, продолжая здесь наносить удар за ударом и медленно, по 2–3 км за сутки, тесня наши части, оно начало готовить прорыв южнее Волжского водохранилища. Такое решение противника, вероятно, обусловливалось еще и тем, что немцы, наступавшие вдоль северного берега водохранилища в полосе Калининского фронта, сумели захватить железнодорожный мост и выйти на автостраду Москва – Ленинград.

На клинском направлении быстро сосредоточивались вражеские войска. Угроза с севера все усиливалась. Нажим на наше левое крыло, где были пущены в дело все наши резервы, не прекращался. Все это заставило думать о мерах, которые бы улучшили положение наших войск и позволили затормозить продвижение противника.

К этому времени бои в центре и на левом крыле шли в 10–12 км западнее Истринского водохранилища.

Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли собой прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Тогда некоторое количество войск мы вывели бы во второй эшелон, создав этим глубину обороны, а значительную часть перебросили бы на клинское направление.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не дожидаясь, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище.

Ко всему сказанному выше в пользу такого решения надо добавить и то, что войска армии понесли большие потери и в людях, и в технике. Я не говорю уже о смертельной усталости всех, кто оставался в строю. Сами руководители буквально валились с ног. Поспать иногда удавалось накоротке в машине при переездах с одного участка на другой.

Командующий фронтом не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

На войне возникают ситуации, когда решение стоять насмерть является единственно возможным. Оно безусловно оправданно, если этим достигается важная цель – спасение от гибели большинства или же создаются предпосылки для изменения трудного положения и обеспечивается общий успех, во имя которого погибли те, кто должен с самоотверженностью солдата отдать свою жизнь. Но в данном случае позади 16-й армии не было каких-либо войск, и если бы обороняющиеся части погибли, путь на Москву был бы открыт, чего противник все время и добивался.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В

нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен.

Мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставлялись усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника.

Распоряжение было разослано в части с офицерами связи.

Настроение у нас поднялось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы сломают себе зубы. Их основная сила – танки упрутся в непреодолимую преграду, а моторизованные соединения не смогут использовать свою подвижность.

Радость, однако, была недолгой. Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова. Приведу ее дословно:

«Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

Что поделаешь – приказ есть приказ, и мы, как солдаты, подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы и предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. Его войска выходили во фланг и в тыл оборонявшейся у нас на правом фланге 126-й стрелковой дивизии, а она и до этого была сильно ослаблена и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и немецкие танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера.

На клинском и солнечногорском направлениях создалась весьма тяжелая обстановка. Немецко-фашистское командование добилося здесь большого превосходства над нашими силами, введя в бой шесть дивизий: три танковые (6, 7 и 2-я), две пехотные (106-я и 35-я) и одну моторизованную (14-я).

Для организации противодействия противнику мною был послан в Клин мой заместитель генерал-майор Ф. Д. Захаров. К этому времени действовавшая здесь – соседняя справа – 30-я армия генерала Д. Д. Лелюшенко была передана Западному фронту. Нужно было объединить в одних руках управление войсками, оказавшимися на стыке двух армий. Вот для этого и был направлен генерал Захаров. Но сил для задержания наступавших вражеских войск здесь оказалось мало. Это были малочисленная 126-я стрелковая дивизия, очень слабая 17-я кавдивизия, 25-я танковая бригада, имевшая двенадцать танков, причем только четыре из них – Т-34.

Подвергшиеся удару немцев части 30-й армии – 107-я дивизия числом около 300 человек и 58-я танковая дивизия, не имевшая танков, были отброшены и рассеяны. Танковые соединения врага стали быстро продвигаться к Клину, обходя с севера части нашей армии. Собрав все, что только можно было в этих условиях собрать, генерал Захаров все же сумел организовать оборону самого города.

Вскоре по приказу командующего фронтом выехал в Клин и я с А. А. Лобачевым. Прибыв на место, мы могли только констатировать, что удержать город нельзя. Нужно было думать об организации сопротивления врагу с целью задержать его продвижение на Дмитров и Яхром. А такая угроза назревала. Я приказал Малинину прислать в район Клина генерала Казакова с артиллерией для борьбы с танками. Но утром 23 ноября мне сообщили о занятии противником Солнечногорска. В этой обстановке нельзя было нам с членом Военного совета оставаться на фланге. Надо было перебраться к центру армии, чтобы более оперативно управлять войсками, не допустить прорыва фронта.

Мне удалось с местной почты вызвать к проводу начальника штаба фронта В. Д. Соколовского. Доложил ему тяжелую обстановку, но наш разговор был прерван разрывом снаряда, угодившего в помещение телеграфа и повредившего провода. Бой уже шел в самом городе, куда ворвались вражеские танки, обошедшие Клин с севера.

Дав генералу Захарову указания и предоставив ему полную самостоятельность в руководстве всеми войсками, находившимися в районе Клина и восточнее его, я подчеркнул, что основной его задачей будет всеми силами и средствами как можно упорнее задерживать продвижение неприятеля на Дмитров и Яхрому и этим выиграть время, необходимое для подхода на это направление свежих сил. Пришлось предупредить, что вряд ли к нему придут затребованные мною артиллерийские средства, кроме 16-орудийного противотанкового полка, который уже успел отличиться в этот день в бою за Клин, подбив 33 танка противника.

После этого разговора, распрощавшись с Ф. Д. Захаровым и командиром 17-й кавалерийской дивизии В. А. Гайдуковым, конники которого самоотверженно сражались в боях за Клин, мы с Лобачевым выехали из горящего города.

У нас оставалась одна дорога – на Новошапково. Да и здесь на протяжении нескольких километров наши машины не раз попадали под обстрел немецких танков, вышедших северовосточнее Клина. При переезде через реку Сестра – она уже замерзла – мы лишились сопровождавшей нас машины со счетверенной пулеметной установкой: немцы разбили ее.

Поскольку Солнечногорск был уже занят противником, пришлось двинуться в объезд через Рогачево. Нас было несколько человек на двух легковых автомобилях. Сила небольшая... Ехали ночью, со всеми мерами предосторожности. Все мы имели при себе автоматы и гранаты. Я кроме пистолета был вооружен отличным автоматом, подаренным тульскими рабочими, и двумя гранатами. Ехали, не выпуская из рук оружия.

Но вот и Ленинградское шоссе. Дурыкино. Воинских частей тут не оказалось. Но было много беженцев из Солнечногорска. Они говорили, что их город много часов назад захватили фашистские танкисты. Обстановка, прямо скажем, безрадостная.

Глубокой ночью удалось нам добраться до нашего штаба. В. И. Казаков только что вернулся из-под Солнечногорска и сказал, что действительно там немцы. По его рассказу, командующий фронтом поручил оборону этого города генералу В. А. Ревякину (коменданту Москвы), тот якобы с задачей как следует не справился – вначале Солнечногорск заняли небольшие силы вражеских автоматчиков, а к вечеру подошли танки.

Положение вещей было, в общем, таково. На правом фланге, в районе Клина, крупные силы танковых и моторизованных немецких войск продолжали обтекать 16-ю армию с севера. Несмотря на героическое сопротивление группы генерала Захарова, на исходе 23 ноября противник овладел Клином. Но его попытки быстро развить успех на восток встретили упорное и организованное сопротивление. Захаров, при всей малочисленности имевшихся в его руках сил, вынудил немцев вести тяжелые бои. На солнечногорском направлении враг, оттеснив курсантский полк, обошел Истринское водохранилище и, овладев Солнечногорском, начал продвижение на юг, в сторону Москвы. Наши соединения вынуждены были отойти и на рубеже Истры, о чем я упомянул выше. Однако прорвать оборону армии врагу нигде не удалось, как он к этому ни стремился. Героические пехотинцы, артиллеристы, танкисты, минометчики, кавалеристы, саперы повсюду самоотверженно сдерживали натиск. Они организованной обороной и контратаками наносили немцам большой урон.

Наиболее опасная обстановка сложилась в районе Ленинградского шоссе. Захватив Солнечногорск, враг двигался к Москве. Резервов у нас не было. Собирали войска, ослабляя оборону на других участках. К этому прибегли и в данном случае. В. И. Казаков задержал под Солнечногорском снятые с истринских позиций и предназначавшиеся было под Клин 289-й и 296-й противотанковые полки, а также 138-й пушечный полк. Они уже развернулись и заняли

позиции. Туда же была направлена кавалерийская группа Доватора, усиленная двумя танковыми батальонами и двумя батальонами панфиловцев.

Поближе к Солнечногорску, в деревне Пешки, мы решили организовать временный КП армии, а основной перевести в Лялово.

Вечером 24 ноября мы уже были в Пешках. Около одной избы стоял танк Т-34. В комнате нашли группу офицеров, среди которых я увидел генералов И. П. Камеру, А. В. Куркина. Стоял шум. Все обсуждали создавшееся положение, и трудно было разобраться, что тут происходит.

Оказалось, что товарищи посланы сюда штабом фронта для уточнения обстановки. Пожимая мне руку, генерал Камера сказал:

– Хватит рассуждать, прибыл тот, кто отвечает за участок обороны, не будем ему мешать.

Я был ему за это благодарен. Штабная группа уехала. С нами остался командир какой-то танковой части, фамилию которого не помню. Танкисты по заданию фронта прибыли прикрыть солнечногорское направление.

Стали разбираться. Из доклада офицера нашего штаба выяснилось, что севернее деревни Пешки имеются незначительные силы из группы генерала Ревякина да несколько танков, стоявших непосредственно у шоссе. Соединения и части 16-й армии еще не вышли в назначенные моим приказом районы, штаб поддерживал с ними связь по радио.

Не успел я отдать распоряжение командиру танкистов уточнить, кто же прикрывает шоссе, как начался артиллерийский обстрел деревни. Один из снарядов угодил в наш дом, пробил стену, но не разорвался внутри.

Я спросил командира-танкиста, где его танки и что они делают, и получил удививший меня ответ: на позиции севернее деревни он оставил у пехотинцев два танка, а остальные ушли заправляться в Дурьино.

– Вы уверены, что и эти два танка не отправились на заправку?

Офицер смутился. Пришлось ему сказать, что на войне обычно горючее подвозят к танкам из тыла, а не наоборот. Он получил распоряжение подтянуть все танки в Пешки и вышел его исполнять.

Вбежал наш офицер связи. Он доложил, что немецкие танки вошли в деревню по шоссе, автоматчики двигаются по сторонам, обстреливая дома.

В такую переделку мы еще не попадали. Первая мысль: «Где же войска, перекрывавшие шоссе?...» Вторая: «Где наши машины, целы ли?...» (Мы их оставили на южной окраине.)

Вышли из избы. Стали осматриваться. В деревне то впереди нас, то в стороне рвались снаряды. Некоторые проносились со свистом и мягко шлепались о землю или ударяли в постройки, в заборы, но не разрывались. По-видимому, это были болванки, которыми стреляли немецкие танки.

Ночь озарялась вспышками разрывов мин и массой светящихся разноцветными огнями трассирующих пуль. Подумалось: «Какая эффектная картина!...» Но тут же сознание опасности поглотило все.

У дома все еще стоял танк. Командир предложил мне сесть в него. Я приказал ему немедленно отправиться в танке на розыски своей части, прикрыть шоссе и не пропустить врага дальше железной дороги, пересекавшей Ленинградское шоссе в 6–8 км южнее Пешек.

Сами же мы – а собралось нас человек двенадцать, – разомкнувшись настолько, чтобы видеть друг друга, стали пробираться к оврагу в конце деревушки. Невдалеке промчался на большой скорости Т-34. Под сильным обстрелом неприятеля он скрылся из глаз.

Осторожно приблизились к шоссе и вскоре нашли свои машины. Наши товарищи – водители не бросили нас в беде.

Убедившись, что, блуждая под носом у противника, мы пользы никакой не принесем, я решил сразу отправиться в штаб армии и оттуда управлять войсками, сосредоточивавшимися на солнечногорском направлении.

В Лялове Малинин доложил, что уже несколько раз Жуков и Соколовский запрашивали, перешли ли в наступление войска армии под Солнечногорском. Дело в том, что командование фронта изменило задачу, поставленную мною снятым с истринских позиций войскам: им надлежало не обороняться у Солнечногорска, а наступать и выбить противника из города. Задача эта стала известна, когда соединения уже двигались форсированным маршем и, конечно, на организацию наступления времени не оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.